

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Задонщина**Текст и примечания**

Одна из трех повестей, описывающих победу Дмитрия Ивановича Донского над полчищами Мамая на Куликовом поле в 1380 г., обычно называемая *Задонщиной*, давно уже обратила на себя внимание исследователей своей литературной формой, чрезвычайно близкой в центральной части к Слову о полку Игореве. Установлению зависимости этих двух памятников посвящается большая часть статей о *Задонщине*; высказаны и соображения об авторе ее — Софонии, о времени и месте создания.¹

С 1852 г., когда был издан древнейший список *Задонщины* (К-Б), до 1930 г. исследователи опирались в своих выводах на два полных списка — Ундовского и Синодального, Кирилло-Белозерский, передающий первую часть повести, и Ждановский список, сохранивший одно предисловие. С 1930 г. известны, хотя и не изданы, еще два списка Гос. Исторического музея — один полный (хотя без предисловия), другой — отрывок второй части повести. Кроме этих списков, в большей или меньшей степени привлекаются исследователями отражения *Задонщины* в списках *Сказания о Мамаевом побоище*.

¹ И. Снегирев. Поведание и сказание о побоище в. к. Дмитрия Донского... Русский исторический сборник, т. III, вып. 2, М., 1833, стр. II—XIV; И. Беляев. Предисловие к изданию В. Ундовским «Слова о в. к. Дмитрие Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче яко победили супостата своего царя Мамая». Временник Моск. общ. истории и древн. российск. их, кн. 14, М., 1852. Материалы, стр. III—XIV; И. Срезневский. *Задонщина...* Изв. АН по ОРЯС, т. VI, вып. V, СПб., 1858, стбл. 337—344; Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине — там же, т. VII, вып. 2, 1858, стбл. 96—100; И. Назаров. *Сказания о Мамаевом побоище*. Журн. Мин. нар. пр., 1858, кн. VII—VIII, стр. 84; М. Ф. Де-Пуле. О русском народном эпосе. Филол. Зап., т. II, 1862, кн. IV—V, стр. 257—258; П. Н. Полевой. Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской. СПб., 1864, стр. 91—101, 104; И. Некрасов. О современных задачах изучения древнерусской литературы. Одесса, 1869, стр. 16; Н. Лавровский. О новом чешском переводе Слова о полку Игореве. Журн. Мин. нар. пр., 1870, октябрь, стр. 277, 281; В. Ягич. О славянской народной поэзии. Славянский Ежегодник. Сборник статей по славяноведению. Киев, 1878, стр. 227—229; А. И. Смирнов. О Слове о полку Игореве. Глава 4. Судьбы Слова о полку Игореве в последующей русской литературе. Воронеж, 1878, стр. 135—183; И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. Тр. III Археол. съезда, т. 2, стр. 279—283 (Чтения Историч. общ. Нестора Летописца, 1879, кн. I, стр. 72—78); С. Тимофеев. Сказания о Куликовской битве. Журн. Мин. нар. просв., 1885, сентябрь, стр. 19—26, 37—45; Е. Барсов. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружины Руси, т. I, М., 1887, стр. 434—454; А. Смирнов. 3-й список *Задонщины* по Синодальному скорописному сборнику XVII в.

Всеми исследователями Задонщины отмечалось, что текст повести чрезвычайно испорчен перепиской. И. И. Срезневским была сделана попытка — на основании списков Кирилло-Белозерского и Ундельского — дать восстановленный текст Задонщины. (Изв. АН по ОРЯС, т. VI, вып. V, 1858, стб. 344—352). С. К. Шамбинаго в своем исследовании (Повести о Мамаевом побоище, стр. 119—123) дал реставрированный текст, без указания, впрочем, какими списками оправдывается то или иное чтение его. Но после того как стали известны другие списки Задонщины, текстологическая работа в этом направлении не была продолжена. Между тем, для решения всех основных вопросов, касающихся происхождения и дальнейшей судьбы Задонщины, необходимо начать именно с такой текстологической работы. Что представлял собой текст „писания Софонии“, каково его отношение к Летописной повести и к Сказанию о Мамаевом побоище, в каком виде Задонщина стала материалом для переработки Сказания, в каком направлении шла редакционная работа над самой Задонщиной, — вот основные вопросы, для ответа на которые неотложно необходимо начать с анализа сохранившихся списков.

Не задаваясь в настоящий момент целью восстановить авторский текст Софонии, попытаемся прежде всего представить ту редакцию Задонщины, которую мы знаем по сохранившимся спискам. Не внося предположительных поправок восстановим эту редакцию, опираясь только на эти списки и на цитаты из Задонщины в Сказании о Мамаевом побоище. Таким образом, предлагаемое ниже издание основывается на следующих рукописных источниках.

1. Сборник Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086, различных почерков, переписывавшийся, судя по записям, с 1470 г. до 1480-х годов (хранится в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина в Ленинграде). На лл. 122—128 об. находится текст первой половины Задонщины, под заглавием: „Писаніе Софоніа старца рязанца благослови отче. Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондрѣевича“. Начало: „Поидемъ, брате, в полуночную страну“. Конец: „покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную вѣру з дивными удали с мужескими сыны“. Таким образом, текст, начинаясь с предисловия, обрывается на плачах жен после первого неудачного эпизода боя. Даже в пределах этой части писец, видимо, произвольно сокращал текст, иногда в ущерб смыслу; в списке много совершенно искаженных мест, но, вместе с тем, иногда он дает важные поправки к ошибкам позднейших списков.

Отличия списка К-Б от остальных текстов начинаются с заглавия: слово „Задонщина“, более нигде не встречающееся, представляет

Русск. Филол. Вестн. 1890, № 2, стр. 268—288; В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы. Т. III. Из истории русской поэзии XVII в. СПб., 1902, стр. 5—8, 10—11; С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сборник ОРЯС АН, т. 81, № 7, 1906, стр. 84—134 и Рецензия А. А. Шахматова. Отчет о 12-м присуждении АН премий митр. Макария в 1907 г. СПб., 1910, стр. 149—150; С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. Пам. Др. Письм., СХХV, 1907, стр. 2—3; А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания, 2-е изд. С дополнением из черновых рукописей „О Задонщине“... Харьков, 1914, стр. 159—179; В. Перетц. Слово о полку Игоревим. У Київі, 1926, стр. 38—39; А. Д. Седельников. Где была написана Задонщина? Slavia, 1930, IX, s. 3; A. Mazon. La Zadonschina: réhabilitation d'une oeuvre. Revue des études slaves, 1938, XVIII, стр. 5—41; рецензия Е. Ляцкай. Слово о полку Игоревје. Српски Книжевни гласник, Београд, 1938, 1/X, стр. 181—191; Н. К. Гудзий. Ученые Записки Моск. Гос. университета им. М. В. Ломоносова, 1946; Л. А. Творогов. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942, стр. 42. В. П. Адрианова-Перетц. „Слово о полку Игоревим“ і „Задонщина“. — Радянське літературознавство, 1947, № 7—8, стр. 135—186.

характерное для рукописи К-Б словообразование. В летописных заметках, следующих за текстом повести, читаем аналогичные образования: Мамаевчина, Задончина, Задонщина, Тахтамышевщина (лл. 129—129 об. рукописи).

Сокращения (все отличия указываю по сравнению с полным списком Унд.) в списке К-Б начинаются с предисловия, от которого сохранились лишь две фразы, непосредственно слитые с самим изложением, из которого также, впрочем, выпало начало. Таким образом в К-Б нет эпизода „лудчи бо нам“ (строки 25—34 издания); в перечне первых русских князей, прославленных Бояном, иные имена, нет воспоминания о Софии (35—39); нет упоминания о молитве великого князя перед походом (42); Владимир I назван „царем руским“ (45); нет запева Баяна: „ци буря...“ (49—50); шире описание вооружения русского войска (53); нет рассказа о выезде новгородцев (57—60); иначе передана речь русских князей к великому князю перед походом (67—70); в речи великого князя — „гнездо есмя великого князя Владимира киевского“ вместо этого имени стоит имя „князя великого Ивана Данильевича“, т. е. Калиты (68); в речи Дмитрия Ольгердовича великий князь ошибочно назван „Иван Дмитриевич“ (86); шире рефрен (111—112); короче сравнение с соколиной охотой (113—115); описание выезда великого князя (115—119) помещено ниже и в него вставлено календарное указание: „сентября 8 в среду на Рожество пресвятая богородица“; нет обращения великого князя к брату с перечнем воевод (125—131); короче отрывок „черна земля“ (144—147); в эпизод, изображающий славу Русской земли после победы (147—151), вплетен перечень стран из Слова о погибели Русской земли (это заимствование отмечено первым издателем Слова Х. М. Лопаревым — Памятники древней письменности, 84, 1892, стр. 19); пропущен отрывок „на том поле“ (152—156); иной перечень убитых в первом приступе воевод (160—161); в рассказе о Пересвете (164—169) правильно отсутствует в конце фраза, относящаяся к предыдущему рассказу об убитых воеводах; короче эпизод „и в то время по Рязанской земли“ (176—179); со второго плача жен начинается совершенно измененный текст, на котором и кончается список К-Б.

Часть приведенных отличий объясняется тем, что писец, очевидно, сокращал свой оригинал; некоторые — характеризуют редакцию этого оригинала, кое в чем различающуюся с остальными списками; в совпадающих с этими списками частях есть более древние и более исправные чтения.

Список К-Б был издан дважды: арх. Варлаамом в приложении к „Описанию сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря“ (Ученые Записки Второго отделения Академии Наук, кн. V, СПб., 1858, стр. 57—60) и П. К. Симони, с автотипическим снимком всего текста, в „Памятниках старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Выпуск III“ (Сборник ОРЯС АН, т. 100, № 2, Пг., 1922). (К-Б).

2. Сборник Гос. Исторического музея № 3045, конца XV — начала XVI в., на лл. 70—73 об. содержит отрывок Задонщины, от слов „лита, а древеса туюю к земли приклонишаася“ (стр. 196—197) и кончая описанием разгрома Мамая: „Уже жены руские и вознесеся слава ру“ (275).

Текст этого отрывка чрезвычайно близок к списку Гос. Исторического музея № 2060, изредка существенно исправляя его, например: правильнее и полнее передан образ: „А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тем русским богатырем под ранами“ (194—195); лучше сохранился плач татар (242—245). Список не издан. (И 2).

3. Сборник Гос. Исторического музея конца XVI — начала XVII в. № 2060, на лл. 215—224 об. содержит текст Задонщины, без предисло-

вия и заглавия. На л. 213 под заглавием „В лѣт 6887 Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондрѣевичу, виѣда побѣдиша пособьем божиим поганаго Мамаа съ всѣми его силами“ — начинается рассказ о Куликовской битве, соответствующий редакции Летописной повести в Новгородской IV летописи; этот рассказ обрывается на середине молитвы великого князя перед походом („и рече: Господи в помощь ми воинъми, потыщис и посрамятся“), и в той же строке, без особого заголовка, начинается текст Задонщины: „и потом списках жалость и похвалу великому князю“. За исключением опущенного предисловия (1—16) и последнего обращения великого князя к брату (299—301), список по объему совпадает со списками Ундовольского и Синодального. В отдельных чтениях он исправляет их ошибки, сближаясь изредка с верными чтениями К-Б. Список не издан. (И 1).

4. Сборник собрания Ундовольского (Гос. Публичной библиотеки им. В. И. Ленина) № 632, полууст. середины XVII в. (описание состава сборника дано И. Беляевым в предисловии к изданию — Временник Московского Общества истории и древностей российских, кн. XIV, М., 1852, стр. 111, примечание). На лл. 169—193 об. находится текст Задонщины под заглавием: „Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимира Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего царя Мамая“. Из всех сохранившихся списков, этот список лучше и полнее передает состав Задонщины в том ее виде, какой представлен рукописной традицией. Более поздний, чем список И 1, список У во многих местах исправляет его и потому положен в основу издания.

Список У был издан владельцем, с предисловием И. Беляева, при чем издание характеризуется обычно как совершенно непригодное; однако большинство отступлений этого издания от рукописи — орфографического характера (постановка ять, пропуск букв, изредка неверное чтение букв); встречаются, впрочем, и пропуски и неправильное чтение отдельных слов, например: а молодым на память (л. 175), за землю за Русскую (там же), сколько, брате, с нами (л. 177), хотят сильно (л. 180 об.), за землю за Русскую (там же), фарлужными (л. 181 — напеч. хараужными), государь князь великий (л. 185 об.), в сем вѣце и в будущем (л. 193 об. — напеч. всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ) (У).

5. Сборник б. Синодальной библиотеки (ныне Гос. Исторического музея) № 790, XVII в., белорусский. На лл. 36 об.—42 об. под заглавием — „Сказание Софона резанца написана русским князем похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондрѣевичу“ — находится сильно искаженный при переписке, а местами сокращенный текст Задонщины. Сокращения начинаются с предисловия (стр. 1—3, 11—22); шире описание соколиной охоты (113—115); правильно оканчивается рассказ об убитых воеводах (162—163); спутана речь Осляби (171—175); нет описания выхода засадного полка (225—229); пропущено описание русской добычи (248—251), и отдельные слова из него читаются после слов „на костех“; пропущено описание торжества русских (252—259); описание бегства Мамая в Кафу помещено в самом конце (260—271); нет отрывка „нам земля подобна“ (272—276); пропущен счет убитых и последние речи великого князя (282—301). В отдельных правильных чтениях С совпадает с К-Б.

Синодальный список издан А. Смирновым (3-й список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века — Русск. филолог. вестник, 1890, т. XXIII, № 2, стр. 268—288), с некоторыми ошибками в чтении отдельных букв и слов, и пропусками, например: благородный (л. 36 об. — напеч. благородия), Софона (л. 37), Як тые (л. 37 об. —

напеч. златые), поганому цару (л. 37 об.), Дмитреи волынских и т. под. (С).

6. Сборник Библиотеки Академии Наук СССР 1. 4. 1. (так называемый Ждановский сборник, приобретенный от наследников академика И. Н. Жданова), второй половины XVII в. (судя по записи, до 1680 г.; состав сборника описан В. И. Срезневским. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Академии Наук в 1902 г. СПб., 1903, стр. 17—23). На лл. 30 об.—31 находится отрывок Задонщины—предисловие, под заглавием: „Сказание о Донском бою“. Отрывок кончается словами: „возверзим печали на восточную страну в Симъ жребии. Аминь“. Текст близок к У, но плохой сохранности. Издан В. Срезневским (назв. соч., стр. 99) (Ж).

7. Из списков Сказания о Мамаевом побоище, использующих Задонщину, для восстановления ее текста имеют особое значение те, в которых цитаты из Задонщины выделяются прямыми ссылками на „письание Софонии“. Таким образом, кроме обычных текстов Сказания, украшенных вставками из Задонщины, должны быть приняты во внимание следующие списки:

а) б. Румянцевского музея № 378, XVII в. и № 3123, XVIII в. (ныне Гос. Публичной библиотеки им. В. И. Ленина) и собрания Уварова № 492, XVII в. (ныне Гос. Исторического музея), где читаются плачи жен, перечень убитых и последняя речь великого князя, со ссылкой: „Сие убо списание изложение Софония иеря резанца великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу“ (справки Румянц. музея изданы С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 114—115, 260, 266) (Р).

б) б. Архива Министерства иностранных дел, собрания кн. Оболенского № 70/93, XVII в., где имеется описание разгрома Мамая засадным полком, сделанное близко к тексту Задонщины по списку У (изд. С. К. Шамбинаго, назв. соч., стр. 117—118) (Оболен.).

(л. 169 об.) Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимере Андреевиче яко побѣдили, супостата своего царя Мамая.¹

1 Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом с княземъ Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Въдомо намъ,² брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Русскую землю, а идет к намъ в Залѣску(170)ю землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного³ Непра и посмотрим по всей земли Русской и отоля на восточную страну жребий Симова, сына Ноева, от него же родися Хиновья поганые, татаровя, бусормановя.

10 Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Аѳтов. И отоля Русская земля [170 об.] сѣдить невесела, а от Калатьских рати до Мамаева

* В издаваемом ниже тексте и в вариантах к нему допущено следующее упрощение орографии подлинников: *ук*, *омѣ*, *юс* малый, *а* ютированное, *і* передаются через *у*, *о*, *я*, *и*; титла раскрыты; выносные буквы помещены в строку: введено деление слов, написанных слитно; буквы-цифры переданы цифрами. Разрядкой набраны исправления текста, внесенные в основной список Ундовского из вариантов.

¹ Заглавия сохранились в списках К-Б, С, Ж, но вздо они различны; поэтому у сохраним не повторяющееся нигде заглавие У. ²домо намъ в У смыто, восстановлено по Ж. ³ так С, Ж; здесь с равнаго.

побоища туюю и печалию покрышася, плачущися, чады своя поминаючи.⁴ Князи и бояря и удалые люди, оставим⁵ дому своя и вся⁶ богатство жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получити⁷, главы своя положити⁸ за землю за Русскую и за вѣру христианскую. Собѣ бы чаем пороженых и воскормленых.⁹

(171) Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списках жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андрѣевичу.

Снедемся, братия и друзья и сынове Рускии, составим слово к слову, возвѣсим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю побѣду, (171 об.) а великому князю Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андрѣевичу и речем таково слово.

Лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о¹⁰ похвальных сихъ и о нынешних повѣстех о полку¹¹ великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича,¹² правнука¹³ святаго великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти повѣдати¹⁴ по дѣлом и по былинам. Но¹⁵ проразимся мыслию над¹⁶ землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣщаго Бояна,¹⁷ горазна гудца в Киеве. Тот Боян восклади¹⁸ горазная своя персты на живыя струны, поише¹⁹ Руским князем славу, первому князю киевскому Игорю Рюриковичю²⁰ и великому князю Владимиру Святославичу²¹ киевскому и великому князю Ярославу Володимеровичу.

Аз же помяну резанца Союния и восхвалю пѣснemi и²² гусленными буйными²³ словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича, правнука²⁴ святаго великаго князя Владимира киевскаго, занеж отпало мужество их²⁵ и пѣни князем руским за землю Рускую²⁶ за вѣру христианскую.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт.

Се бо князь (173) великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андрѣевич, помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой²⁷ крѣпостью и поостриша сердца свои мужеством, и наполниша²⁸ ратного духа, уставиша собѣ храбрыя полѣки²⁹ в Руской земль и помянуша прадѣда своего великаго князя Владимира Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красныхъ день утѣха! Возлѣти под синее небеса, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю. Ци буря соколи зонесет³⁰ из земля Залѣския в полѣ Поло-³¹вѣгское.

На Москвѣ кони ржут, трубы трубят на Коломнѣ, бубны³² бьют в Се(174)рпугове, звѣнит слава по всей земли Руской³³, стоят стязи у Дону³⁴ великого на брезѣ.

⁴ исправляю: У поминаютъ; Ж понимаю вы. ⁵ так Ж; здесь иже оставилъ. ⁶ так Ж; здесь вся стоит перед дому. ⁷ так Ж; здесь получивши. ⁸ исправляю; здесь, Ж положиша. ⁹ фраза, очевидно, искаженная: Ж а собѣ бы чая помжденныхъ воскормленныхъ; С се бо есмо чада благородныя. ¹⁰ так И 1, С; здесь от. ¹¹ так И 1, С; здесь похвалу. ¹² так И 1, С; здесь великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичу. ¹³ так И 1, С; здесь а внуки. ¹⁴ так И 1; здесь не. ¹⁵ исправляю: здесь но¹⁶ так И 1, К-Б; здесь вѣщаннаго боярина. ¹⁷ так И 1; здесь боярин воскладоша. ¹⁸ так И 1, К-Б, С; здесь поиша. ¹⁹ так И 1, К-Б; здесь Б. ²⁰ так И 1, С; здесь Всеславьевичю. ²¹ доб. И 1, К-Б, С. ²² доб. И 1, К-Б, С. ²³ так И 1, С; здесь и внуки. ²⁴ так доб. И 1, С. ²⁵ доб. И 1, К-Б. ²⁶ И 1, К-Б, С; здесь доб. крѣпкою. ²⁷ так И 1; здесь наполнися. ²⁸ так И 1, С; здесь воеводы. ²⁹ так С; здесь, И 1 снесет. ³⁰ так И 1, К-Б, С; здесь полоткое. ³¹ так И 1, К-Б, С; здесь в трубы, в бубны. ³² так К-Б, С; здесь, И 1 фраза „звенил слава..“ стоит после „Москвѣ“. ³³ так И 1, К-Б, С; здесь Дунаю.

Звонят³⁴ колоколы вѣчныя въ великому Новегородѣ. Стоят мужи новгородцы³⁵ у святой³⁶ Соѣти а ркут тако: Уже нам, брате, не поспѣть на посоль къ великому князю Дмитрею Ивановичю. И как слово изговаривають, уже аки орли слѣтѣша. То ти были не орли слѣтѣша, выѣхали посадники из великого Новагорода 7000 войска къ великому (174 об.) князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андрѣевичю къ славному граду Москвѣ.

Съехалися вси князи руские, а ркут таково слово: У Дону³⁷ стоят татарови поганые и Момай царь на реки на Мечи³⁸, брѣсти хотят а предати живот свой нашей славѣ. И рече³⁹ князь великий Дмитрей Иванович: Брате князь Владимир (175) Андрѣевич, поедем тамо укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым⁴⁰ память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Русскую и за вѣру крестьянскую. И рече⁴¹ им князь великий Дмитрей Иванович: Братия и князи руские, гнѣздо есмѧ⁴² великаго князя Владимира Киевскаго, не въ обиде есми были по рождению (175 об.) ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему *псу*⁴³ Момаю.

О соловей, лѣтнѧя птица, что бы ты, соловей, *выщекотал*⁴⁴ славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею да Дмитрею Волынскому. Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты въ ратном (176) времени и вѣдомы *полководцы*,⁴⁵ под трубами *повити*⁴⁶, под шеломы *воззелияны*⁴⁷, конец копия *вскормлены* с *востраю* меча поены⁴⁸ в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: Брате Дмитрей, сами есмѧ собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки *Гедымонтавы*⁴⁹ а правнуки есмѧ *Сколдимеровы*.⁵⁰ Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на *борзыя* *своя комони*⁵¹ и посмотрим быстрого Дону (176 об.) испирем шеломомъ *своимъ воды*,⁵² испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о *байданы*⁵³ бусорманские. И рече ему Дмитрей: Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Русскую и за вѣру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а громъ грѣмит в каменом граде Москвѣ. *To ти*⁵⁴, брате, *не стукъ стучить, ни громъ грѣмит*⁵⁵, стучит⁵⁶ сильная рать великаго князя Дмитрея (177) Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича. Громят удалцы руские злаченными доспѣхи и черлеными щиты⁵⁷.

Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзыи комони, а мои готовы⁵⁸ осѣдлани⁵⁹. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полков, сколько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 70000 окованые рати. Уже бо, брате, возвияли силнии *ветри*⁶⁰ по морю на (177 об.) усть Дону и Непра, прильяяша⁶¹ великиа⁶² туши на Русскую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепѣщаются

³⁴ так И 1, К-Б, С; здесь доб. в. ³⁵ так И 1, К-Б, С; здесь навгородцкие. ³⁶ так И 1, К-Б, С; здесь у Соѣти премудрые. ³⁷ так И 1, С; здесь Дунаю. ³⁸ так И 1, К-Б; здесь, С доб. между Чюровым и Михайловым. ³⁹ так И 1, С; здесь рекше. ⁴⁰ так И 1, К-Б, С; здесь доб. на. ⁴¹ так И 1, К-Б, С; здесь рекше. ⁴² так И 1, С; здесь, К-Б доб. были. ⁴³ доб. К-Б, С. ⁴⁴ так И 1, К-Б, С; здесь пощекотал. ⁴⁵ так И 1; здесь полеводцы. ⁴⁶ исправляю: К-Б поють. С нечисти; здесь, И 1 проп. ⁴⁷ так И 1, К-Б; здесь злаченными. ⁴⁸ доб. К-Б и в искаженном чтении С. ⁴⁹ так С; здесь Доментовы. ⁵⁰ так К-Б; здесь Сколомендовы. ⁵¹ так И 1, К-Б; здесь добрые кони своя. ⁵² доб. К-Б, С. ⁵³ так И 1; здесь боеданы. ⁵⁴ так К-Б, С; здесь что. ⁵⁵ доб. К-Б, С. ⁵⁶ так И 1, К-Б, С; здесь доб. великая. ⁵⁷ так И 1, К-Б, С; здесь доб. московскими. ⁵⁸ так И 1, К-Б; здесь свой добродой конь, а мой готов. ⁵⁹ так К-Б; здесь осѣдан. ⁶⁰ доб. И 1, К-Б, С. ⁶¹ так И 1, К-Б; здесь прильяша. ⁶² доб. И 1, К-Б.

сильные молыни. Быти стуку великому на речке Напрядѣ, межу Доном и Непром, пасти трупу человѣческому на поле Куликовѣ, пролитися крови на речке Напряде.

Уже бо въскрипѣли телеги межу Доном и Непром, а идут Хиновѣ⁶³ к Русской земли. И притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра и ставши воють на рекѣ, хотят на Мѣчи поступити в Русскую землю. То ти⁶⁴ были не сѣрые волцы, приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюющи всю Русскую землю.

Тогда гуси возгоготали, и лѣбѣди возвлѣскаша крылами своими. Не гуси ж то возгоготали⁶⁵, но поганый Момай пришел на Русскую землю⁶⁶ и воеводы своя привел.

А уже бѣды (178 об.) их пасоша птицы крылати под облак лѣтят. Вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкуют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости бреушут⁶⁷. Русская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби рвахуся⁶⁸ от златых колодиць ис камена града Москвы, возлѣтѣша под синее небеса, возгрѣмѣша (179) злаченными колоколы на быстром Дону. Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стрѣмѧ и взем свой меч в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно⁶⁹ на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимир Андрѣевич полки преирает и ве(179 об.)дет к великому Дону. И моляще брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: Не ослабливай брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину нашу⁷⁰ отнимают.

И говорит ему великий князь Дмитрей Иванович: Братаe Владимир Андрѣевич! сами есми себе два брата⁷¹, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго, а воеводы у нас уставлены 70⁷² боя(180)ринов и крѣпцы⁷³ князи бѣлозѣрстии Федор Семенович, да Семен Михайлович да Микула Васильевич, да два брата Олгородовици, да Дмитрей Волынской, да Тимофей Волуевич, да Андрѣй Серкизович, да Михайло Иванович. А вою с нами триста тысяцъ окованые рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина сведома,⁷⁴ а под собою имѣем борзыяя комони,⁷⁵ а на (180 об.) собѣ злаченые доспѣхи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы⁷⁶ фрясъе, а мѣчи булатные, а дороги нам сведомо, а перевозы им изготовлены,⁷⁷ но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Русскую и за вѣру крестьянскую.⁷⁸

Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славнаго имени. Уже бо тѣ соколы и кречаты за Дон борзо перелѣти и ударилися о многие (181) стада лѣбѣдиные. То ти быша ни соколи ни кречети,⁷⁹ наехали руские князи на силу татарскую. И удариша копье харалужныя⁸⁰ о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Напрядѣ.

⁶³ так И 1, К-Б, С; здесь доб. поганы. ⁶⁴ так И 1, К-Б, С; здесь И то. ⁶⁵ доб. И 1, К-Б, С. ⁶⁶ землю приписано на полях. ⁶⁷ так И 1; здесь на костех бряшут. ⁶⁸ так И 1; здесь хваруются. ⁶⁹ доб. И 1, Б, С. ⁷⁰ доб. И 1, К-Б. ⁷¹ доб. И 1, С. ⁷² так И 1, С; здесь от. ⁷³ так И 1, С; здесь доб. бысть. ⁷⁴ так И 1; здесь свѣдана. ⁷⁵ так И 1, С; здесь добрые кони. ⁷⁶ все тексты в этом слове расходятся: И 1 чары; С кофы; в Сказании в этой цитате колчары. ⁷⁷ доб. И 1, С; и в пересказѣ Сказания (по списку Тимковскаго). ⁷⁸ так И 1, С; здесь крещеную. ⁷⁹ доб. С. ⁸⁰ гак К-Б; здесь фарлужными.

81 Черна земля под копыты, а костьми татарскими поля насьяша,
а кровью ихъ земля пролита бысть. А сильныи⁸² полки ступишася
в место, и протопташа хол(181 об.)ми и луги, и возмутишася рѣки
и потоки и озера. И кликнули быша Дивы в Руской земли, а слава⁸³
шибла к Желѣзным вратам, ли къ Орначу, ⁸⁴ к Риму и къ Кафе⁸⁵ по морю
и къ Торнаву⁸⁶ и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем.
И Руслан великая⁸⁷ одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речке
Напрядѣ.⁸⁸

На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а из них частво сияли (182)
молчныи и загремѣли громы велицы. То ти ступишася руские удалиы
с погаными татарами за свою⁸⁹ обиду. А в них сияли⁹⁰ доспѣхи злаче-
ные, а гремѣли князи руские мечами булатными о шеломы хиновские.
А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святѣй богородицы.

Не тури возгрѣмели у Дону⁹¹ великаго на полѣ Куликове. То ти⁹²
не тури (182 об.) побѣждени,⁹³ но посѣчени князи руские и бояры и вое-
воды великаго князя Дмитрея Ивановича, побѣждени князи бѣлозерстии
160 от поганых татар: Федор Семенович да Семен Михайлович, да Тимо-
фѣй Волуевич, да Андрѣй Серкизович, да Михаило Иванович и иная
многая дружина. у⁹⁴ Дона на березе лежит побита и постре-
ляна.⁹⁵

Пересвѣта чернеца Брянскаго боярина на су(183)женое мѣсто.
привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичу:
Лутчи бы нам потятъм быть, нѣжели полоненым от поганых татаръ.
Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем борзѣ⁹⁶ конѣ, а злаченым
доспѣхом посвѣчивает.⁹⁷ И в то время стару надобно помолодѣти,
а удалим людям (183 об.) плечь своих попытать.

170 И моляще Ослабя чернец своему брату Пересвѣту старцу:
Брате Пересвѣте, вижу на тель твоем раны великия. Уже, брате,
льѣти главѣ твои на траву ковыль, а чаду моему⁹⁸ Иякову лѣжати
на зелѣнѣ ковыль траве на полѣ Куликове на речкѣ Напрядѣ за вѣру,
крестьянскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя
Дмитрея Ивановича (184).

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи ни пастухи
в полѣ не кличут, но часто⁹⁹ вороны грают трупу ради человѣче-
ского.¹⁰⁰ Грозно и жалостно¹⁰¹ бяше тогда видети,¹⁰² занеже трава
кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

180 И воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, восплакаша вси кня-
гини и боярыни и¹⁰³ воеводские (184 об.) жены о избиенных. Микулина
жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья рано плакаша
у Москвы града на забралах аркучи:¹⁰⁴ Доне, Доне, быстрая река,

81–88 этот эпизод в настоящей редакции Задонщины находится явно не на
месте: он описывает окончательный разгром татар после второго сражения их с засад-
ным полком. Ниже, в примечаниях к тексту, приводим факты, показывающие, что
в авторском тексте эпизод помещался возможно во второй половине повести. 82 так
И 1, С; здесь сильныи. 83 так И 1, С; здесь глава. 84 так в списке Тимковского Сказа-
ния; здесь Карапачи; С к Воронавочом. 85 так И 1, С; здесь Сафе. 86 так И 1; здесь
к Которнову. 87 доб. И 1, С. 88 так И 1, С, здесь доб. великую. 89 так И 1, С; здесь
доб. сильныи. 90 так И 1; здесь Дунаю. 91 так И 1; здесь И. 92 так И 1; здесь И 1, С; здесь доб.
у Дунаю великого. 94–95 так С; здесь, И 1, С эта фраза помещена ниже, после слов:
„а злаченым доспѣхом посвѣчивает“, причем в И 1 эта ошибка отмечена крестиком
между строк; в С таким образом фраза повторена дважды. 96 так И 1, С; здесь добрѣ.
97 так И 1, С; здесь посвѣчивает. После этого слова здесь, И 1, С — „а иные
лѣжат...“ 98 так И 1, КБ; здесь твоему. 99 так С, КБ; здесь, И 1 едини 100 тѣк
И 1, С; здесь трупи ради человѣческия. 101 так И 1, КБ, С; здесь доб. в то время.
102 так С; здесь И 1 слышати. 103 так И 1, И 2; здесь доб. вси. 104 так И 1,
КБ, С; здесь стоя а ркут тако.

прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прильвъ мой моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ.¹⁰⁵

А Тимофея жена Волуевича тако же плакася (185) аркучи;¹⁰⁶ Се уже веселье мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ.¹⁰⁷

А Оndрѣева жена Марья, да Михайлова жена Оксиня рано плакашася: Се уже обѣмъ¹⁰⁸ намъ солнце померкло в славном граде Москвѣ. Припахнули¹⁰⁹ к намъ¹¹⁰ от быстрого Дону поломянные вѣсти, носяще¹¹¹ великую бѣду. Выседоша¹¹² уdalцы з борьзых¹¹³ коней на (185 об.) суженое мѣсто на полѣ Куликове¹¹⁴ на речке Напряде.

¹¹⁵ А уже Диво кличет под саблями татарскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами.¹¹⁶ Туто щурове рано вѣспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано вѣспѣша жалостныя пѣсни,¹¹⁷ и восплакалися жены коломенские аркучи¹¹⁸ тако: Москва, Москва, быстрая¹¹⁹ река: чѣму еси залѣяла мужей нашихъ от насъ в землю Половецкую. Аркучи¹²⁰ тако: Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпрѣ запрудить, а Дон шлемомъ вычерпать, а Мечи трупы татарскими запрудити.¹²¹ Замкни, государь князь великии, Окъ рекъ ворота, чтобы потом поганые татаровя к вам не ъездили, уже мужей нашихъ рать (186) трудила.

Того же дни в суботу на рожество святаго богонации исекша христиани¹²² поганые полки на полѣ¹²³ Куликове на речькѣ Напрядѣ. И нюкнув князь великий Владимир Андрѣевич гораздо и скакаше по рати¹²⁴ поганых¹²⁵, а злаченым шеломом посвѣчивает.¹²⁶

Гремят мечи булатные¹²⁷ о шеломы хиновские. И восхвалит (186 об.) брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: Брате²¹⁰ Дмитрей Иванович, то еси у зла тошна¹²⁸ времени железная¹²⁹ забрала. Не оставай¹³⁰ с своими великими полки, не потакай¹³¹ коромолщикам. Уже бо поганые татары поля наступают, а храбрую дружину у насъ истеряли, а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, братѣ, жалостно видети (187) кровь крестьянская.

И князь великий Дмитрей Иванович рече своимъ боярам: Братья бояра и воеводы и дѣти боярьские! То ти не¹³² ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своимъ женамъ. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече князь великий Дмитрей Иванович: Господи боже мой, на тя уповахъ, да не по (187 об.) стыжуся вѣкъ, ни да посмѣютъ ми ся враги мои мнѣ. И помолися богу и пречистой его матери и всѣмъ святымъ его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтели на быстрый Донъ. То тѣ не орль полетѣша за быстрый Донъ¹³³, поскакивает князь великий Дмитрей Иванович с своими полки и со всею силою. И рече: Братье князь

¹⁰⁵ так И 1, И 2, К-Б, С; здесь доб. А Марья про своего съвѣтаго господина тоже рекла. ¹⁰⁶ так И 1, С; здесь плакахуся и рече тако. ¹⁰⁷ так И 1; здесь, И 2 доб. нет ¹⁰⁸ так И 1, И 2; здесь обѣмъ. ¹⁰⁹ так И 1, И 2, С; здесь примахнули. ¹¹⁰ так И 1, И 2, здесь ним. ¹¹¹ так И 2; здесь носяще. ¹¹² так И 1; здесь и сѣѧша. ¹¹³ так И 1, И 2, С; здесь добрых. ¹¹⁴ так И 1, И 2, С; здесь Куликове. ¹¹⁵⁻¹¹⁶ доб. И 1, И 2, С. ¹¹⁶⁻¹¹⁷ доб. И 1, И 2, С. ¹¹⁸ так И 2; здесь а ркут. ¹¹⁹ Москва бы заклеено; так И 1, И 2, С. ¹²⁰ так И 1, И 2; здесь и ркут. ¹²¹ доб. И 1, И 2, С. ¹²² так И 1, И 2, С; здесь заклеено. ¹²³ так И 1, И 2, С; здесь заклеено. ¹²⁴ так И 1, И 2, С; здесь по ползех. ¹²⁵ так И 1; здесь доб. в татарских. ¹²⁶ так И 1, И 2, С; здесь посвѣчивает. ¹²⁷ так И 1, И 2, С; здесь И загремѣли мечами булатными. ¹²⁸ так И 2, С; здесь заклеено. ¹²⁹ так И 1, И 2, С; здесь заклеено. ¹³⁰ так И 1, И 2, С; здесь заклеено. ¹³¹ так И 1, И 2; здесь и свои полки понужай. ¹³² доб. С. ¹³³ доб. И 1, И 2.

Владимер Андреевич, тут, брате, испити мъдьяна чара *поведеные*¹³⁴.
Нааждаем, брате, своими полки си (188) лными на рать¹³⁵ поганых.

230 Тогда князь великий поля¹³⁶ наступает¹³⁷. Гремят мъчи булатные
о шеломы хиновские¹³⁸. Поганые¹³⁹ покрыша главы своя руками своими.
Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого князя Дмитрия
Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а руские сынове¹⁴⁰ широкие
поля (188 об.) кликомъ огородиша и злачеными доспѣхами освѣтиша.
Уже бо ста тур на оборону.

240 Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир
Андреевич полки поганых вспять поворотил¹⁴¹ и нача их¹⁴² бити и сечи
горазно без милости, *тоску им подаваше*¹⁴³. И князи ихъ падоша
с коней¹⁴⁴. А трупми татарскими поля насияша и кровию ихъ реки
протекли. Туто поганые (189) разлучиша розно и побѣгше неуготован-
ными дорогами в лукоморье, скрещюще зубами своими, *дерущи*¹⁴⁵ лица
своя *аркучи*¹⁴⁶ так: Уже нам, брате, в земли своей не *бывати*¹⁴⁷, и дѣтей
своих не видать, *а катунь своих не трепати, а целовать нам зелена*
*мурава*¹⁴⁸, а в Русь ратью нам не хаживать, а выхода нам у руских
князей¹⁴⁹ не прашивать.

250 Уже бо востона земля татарская, бѣдами и тugoю *покрышася*,
уныша бо царем¹⁵⁰ их хотение и¹⁵¹ князем¹⁵² похвала (189 об.) на рускую
землю¹⁵³ ходити. Уже бо веселье их¹⁵⁴ пониче. Уже бо руские сынове
разграбиша татарские узорочья и доспѣхи и кони и волы и вербруды
и вино и сахар; и дороже узорочие, камки, *насычеве везут женам*
своим¹⁵⁵. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

260 Уже бо по Руской земле простреся веселье и буйство. Вознесеся
слава руская на поганых хулу¹⁵⁶. (190) Уже бо вержено Диво на земли.
И уже грозы великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя
Владимира Андреевича по всем землям текут¹⁵⁷. Стреляй, князь вели-
кий, с своею храброю дружиною Мамая поганого хиновина¹⁵⁸ за землю
за Русскую и за вѣру *крестьянскую*¹⁵⁹. Уже поганые оружия своя
провергла на землю, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы
их не трубят, и уны (190 об.)ша гласи их.

И отскоча поганый Мамай от своея дружины серым волком¹⁶⁰ и при-
тече к Кафе¹⁶¹ граду. Молвяше же ему фрязове: Чему ты, поганый
Мамай, посягаешь на Русскую землю? То тя била орда Залѣская.
А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысяч
окованые рати, а ввевал всю Русскую землю от востока и до запада.
А казнил богъ Русскую землю (191 за¹⁶² согрѣшения. И ты пришел
на Русскую землю царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами
и 70 князями. А нынѣ ты, поганы, бѣжишь самдевят въ лукоморье,
не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣто тобя князи руские горазно
подчивали, ни князей съ тобою ни воевод? Нѣчто гораздо упилися
у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыль? (191 об.) Побѣжи
ты, поганый Момай, от насъ позадьнеш и нам от земли Руской.

134 доб. И 2. 135 так И 1, И 2; здесь доб. татар. 136 так И 1; здесь на рать силу
татарскую. 137 так И 1, И 2; здесь доб. и. 138 так И 1; здесь, И 2 доб. И. 139 так
И 1, И 2; здесь доб. бусорманы. 140 так И 1, И 2; здесь князи и бояры и воеводы
и все великое войско. 141 так И 1, И 2; здесь поворотили. 142 так И 2; здесь доб.
бусорманов. 143 доб. И 1, И 2. 144 так И 2; здесь доб. загремели; И 1 к земли
145 так И 1; здесь дорушки. 146 так И 1, И 2; здесь аркуче. 147 так И 1, И 2, С;
здесь братья. 148 доб. И 2. 149 так И 1, И 2; здесь людей. 150 так И 1, И 2; здесь
покрыша бо сердца. 151 доб. И 1, И 2. 152 так И 1, И 2; здесь доб. И. 153 так И 1, И 2;
здесь Руской земли. 154 так И 1; здесь наше. 155 доб. И 1, И 2. 156 так И 1, Оболен.; здесь
по всей земли, а на поганых татар промчеся злых бусорманов хула и пагуба. 157 так
И 1, Оболен.; здесь доб. грозы. 158 доб. И 1; здесь побил. 159 так И 1; здесь крещеную.
160 так И 1; здесь доб. взвыл. 161 так И 1, С; здесь Хафесте, 162 так И 1; здесь
доб. своя.

Намъ земля подобна ест Руская¹⁶³ милому младенцу у матери своей, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милуютъ его¹⁶⁴. Тако господь богъ помиловал князей рускихъ великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андрѣевича меж Дона и Непра.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичъ съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем и со остальными своими (192) воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речкѣ Непрядѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лѣжат трупи крестьянських *аки сены*¹⁶⁵ а Дон река три дни кровио текла.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: Считайтесь, братия, колько у нас воевод нѣт, и колько молодых людей нет. Тогда говорит¹⁶⁶ Михайло (192 об.) Александровичъ, московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: Государь князь великий Дмитрей Ивановичъ, нету, государь, у нас 40 бояринов *больших*¹⁶⁷ московскихъ, 12 князей бѣлозѣрскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояринов коломенскихъ, 40 бояр серпуховскихъ; 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславскихъ, 25 бояр костромскихъ, 35 бояр володимеровскихъ, 8 бояръ суждалскихъ (193), 40 бояръ муромскихъ, 70 бояр рѣзаньскихъ, 34 бояринов ростовскихъ, 23 бояр дмитровскихъ, 60 бояр можайскихъ, 30 бояр звенигородскихъ, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста тысещь и три тысечи. И помиловал бог *Русскую землю*, а татар пало безчислено многое множество.¹⁶⁸

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ: Братия бояра и князи и дѣти боярские! то вам сужено (193 об.) мѣсто меж Доном и Непром на полѣ Куликове на речкѣ Непрядѣ. И положили есте головы своя за святыхъ церкви, за землю за Русскую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущемъ.

И пойдем, брате князь Владимир Андрѣевичъ, во свою Залесскую землю къ славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава.

Примечания

Заглавие

В списке У имя автора в заглавии не упомянуто. В тексте, после славы первым русским князьям, позднейший редактор вспоминает своего предшественника (стр. 41): „Аз же помяну резанца Софония“ и затем уже переходит к прославлению героев Куликовской битвы. В К-Б и С имя автора входит в заглавие — „Писание Софonia старца рязанца“ (К-Б), „Сказание Софона резанца“ (С). В тексте, как в У, имя Софонии упомянуто в И 1 („И я же помяну Ефона ерея резанца“) и С („И здеся помянем Софона резанца“). В К-Б такое редакторское добавление отсутствует.

Имя Софонии, как автора повести, встречаем также в приписке XV в., сделанной на последнем листѣ рукописи б. Синодальной библиотеки (Гос. Исторического музея) № 836: „Съе слово съставлено именемъ Софonia резанца о великомъ кнези Дмитрии Ио[а]н[о]вич[е] и брат[е] его Василии Оndrѣvич[а] и о всѣхъ кн[я]зехъ рускихъ, како билисе беаше за Дономъ за свою в[ел]ику[ю] обиду с поганымъ ц[а]ре[м] Мамаемъ“ (изд. А. Д. Седельниковым). Где была написана Задонщина?

¹⁶³ так И 1; здесь уподобился еси. ¹⁶⁴ доб. И 1. ¹⁶⁵ так И 1, Сказание 3 и 4 ред.; здесь у Дуная великого на брезе. ¹⁶⁶ так И 1 и Сказание; здесь доб. стоя. ¹⁶⁷ доб. И 1, Сказание сп. Тимк. ¹⁶⁸ так И 1; здесь Слава тебе, господи боже мой, помиловал нас.

Slavia, R. IX, s. 3, Praha, 1930, стр. 526). Одно заглавие Задонщины, без текста, воспроизведено и в Тверской летописи под 1380 г.: „А се писание Софонаия резанца брянского боярина...“ (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стлб. 440).

Сказание о Мамаевом побоище, делая вставки из Задонщины, также ссылается в некоторых списках на Софонию. Например, в списке Румянц. 378, после цитаты из Задонщины примечание: „Сия убо оставим, на первое возвратимся. Сие убо списание — изложение Софония иереха резанца....“ Сказание третьей редакции в списке Едомского летописца (Библ. АН СССР 16. 13. 2, конца XVII в.) озаглавлено: „О нашествии Мамаевъ на Русскую землю и брань с нимъ великая, и грозно побоище великому князю Димитрию Ивановичу. Сказание Софония иереха рязанца. Похвала великому князю, Димитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андрѣевичю.“

Таким образом рукописная традиция с XV в. прочно связывает повесть с именем Софония (реже Софрония), который называется „старцем рязанцем“, „ереем рязанцем“, „резанцем“ и, наконец, „резанцем брянским боярином“. Л. А. Твороговым высказано предположение (Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942, стр. 42), что автор Задонщины был „попом жившего в 1407—1408 годах в Новгороде сына Дмитрия Донского князя Константина Дмитриевича“. Этот князь был в свойстве с Олегом Рязанским, поэтому понятно присутствие при его дворе рязанца, понятно и то, что этот рязанец-придворный не мог даже мимоходом вспомнить о роли рязанского князя в войне 1380 г. (см. об этом А. Д. Седельников, назв. статья, стр. 535).

Стр. 1—3^е

В списках У и Ж предисловие начинается сообщением о том, что великий князь с братом и воеводами был на пиру у Микулы Васильевича и здесь известил их о приближении войск Мамая. Упоминание об этом пире читается в Сказании о Мамаевом побоище в редакции Никоновской летописи („великому князю бывшу на пиру у Микулы Васильевича тысяцкаго з братом своим со князем Володимером Андрѣевичем и со всѣми тогда пришедшиими князи и воеводами, и се паки начаша поновлятися вѣсти, яко Мамай неотложно хощет ити на великого князя Дмитрия Ивановича“ — после этого обсуждается посылка сторожи — ПСРЛ, т. XI, 1897, стр. 51); то же сообщение находим в лицевом списке Сказания (третьей редакции, по определению издателя С. К. Шамбина. Изд. Общества любителей древней письменности, СХХV, 1907), собрания Ундорского № 578, XVI в. (великий князь „у Микулы у Васильевича на пиру с братом своим с князем Володимером Андреевичем, со всеми русскими князями и воеводами здумаша яко и сторожу уготовати тверду в поли“ — стр. 21).

А. А. Потебня („Задонщина“ — Слово о полку Игореве. 2 изд. с дополнением из черновых рукописей „О Задонщине“. Харьков, 1914, стр. 162) указывал на сходство этого эпизода с былинным зачином, однако писал: „Трудно решить, послужили ли поводом к такому началу обычные начала великорусских былин с пира, на котором завязывается событие, или же в основании лежит действительное событие. Во всяком случае тут нет никакой внутренней связи с следующим затем ib. «пойдем, брате...» и пр.“. И. Хрущов (О памятниках, прославивших Куликовскую битву. Чтения в обществе Нестора летописца, Киев, 1879, т. I) предполагал, что эта картина беседы на пиру взята из „старины“ о том, как великий князь узнал о готовящемся нападении Мамая, начинавшейся

обычным былинным описанием пира. Однако, следов такой старины не сохранилось, что же касается самой картины пира, то она далека от обычной былинной ситуации.

Стр. 5—9

Легенда о происхождении „Руси преславной“ (вар. „православной“) от „сына Ноева Афета“ и „хиновы поганой“ от „Сима сына Ноева“ усвоена автором, видимо, из Повести временных лет (ср. „прияша сынове Симови въсточная страна... Афетови же прияша запад и полунощная страны“, „от племене же Афетова... Словене“, „на въсток доити в жребии Симов“, „словѣньскъ язык в Руси... от колѣна Афетова, иже живуть в странах полунощныхъ“ — А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. 1, Гр., 1916, стр. 4, 7, 10), которая, вслед за Хронографом, рассказывала, как сыновья Ноя „жребии метавьше“, разделили землю, чтобы „не преступати никому же въ жребии братънъ“ (стр. 4). Рядом с этим рассказом в Повести временных лет находится и легенда об апостоле Андрее, откуда в предисловие Задонщины, возможно, вошли „горы киевские“ (стр. 7). В Повести временных лет и в Киевской летописи читаем также: поляне жили „особъ по горамъ симъ“; Предслова „воспита бысть в Киевѣ на горах“ (Ипатьев. 1198, стб. 708). Ср. в Слове о полку Игореве: „того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ“, „в Киевѣ на горах“.

Стр. 10—13

Исторические припоминания о былых поражениях русских татарами сохранились наиболее полно в сплаках У и Ж. В остальных читается только хронологическая выкладка „от Калатьские рати до Мамаева побоища 160 лет“ (С, И 1, или с пропуском даты К-Б), стоящая значительно ниже (стр. 47). Во всех редакциях Сказания о Мамаевом побоище, кроме первой (по терминологии С. К. Шамбина в его исследовании и второй — в его статье о Сказании во втором томе „История русской литературы“, ч. 1, М.—Л., 1945, стр. 215), есть дополнительный эпизод: великая княгиня Евдокия, после отправления русского войска в поход, „внide во свои златоверхий терем“, и здесь она со слезами молится о даровании победы великому князю. В ее плаче-молитве есть аналогичные и близкие стилистически к предисловию Задонщины исторические пропоминания: „... И не сотвори, Господи, яко ж за мало лет брань была крестьяном со еллины. От Батыя до Калских рати и до Мамаева побоища лет 158... От тоа бо брань Русская земля уныла...“ (II редакция, — С. К. Шамбина, назв. соч., приложение, стр. 15). „И не сътвори, Господи, яко ж преж сего за мало лет велика брань была русским князем на Калках с погаными половци с агаряны... От тоа бо Галадцкыя беды и великого побоища татарского и ныне еще Русская земля уныла...“ (III редакция — там же, стр. 51). „И не сотвори, Господи, яко за мало лет была брань на Калках христианом з безбожными татарами... От такия великия рати до Мамаева нахождения 160 лет, и от тое Калские брань Русская земля уныла...“ (IV редакция — там же, стр. 95).

Такое совпадение даже в самой форме исторических припоминаний ставит вопрос: сложен ли соответствующий эпизод предисловия Задонщины под впечатлением молитвы Евдокии, или, наоборот, эта молитва была одним из дополнений первоначального текста Сказания, явившихся под влиянием Задонщины. Хронологическая выкладка в молитве явно не на месте; в Задонщине она также механически разрезает текст

(стр. 47) между двумя не относящимися к ней эпизодами. Что же касается самого воспоминания о Калкском поражении, то оно в обоих памятниках органически слито с текстом.

Стр. 20—22

Как в эпизоде стр. 5—9, ссылка на ту же летописную легенду — „восточную страну Симов жребий“.

„Мамаю победу“ — „слово победа в смысле поражение употреблялось часто: — о мънного побѣды, братъе, бесчисленное число, яко не можетъ духъ человѣчъскъ домыслити, избѣнныхъ и повязаныхъ. Новг. 1. 35. Възнесъ Богъ дѣсницу князя великаго Дмитрея Ивановича и брата его на побѣду иноплеменникъ. Новг. 1. 92 (И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. Изв. АН по ОРЯС, т. VII, вып. 2, СПб., 1859, стлб. 95).

„Воздадим Мамаю побѣду“ А. А. Потебня (назв. соч., стр. 165) переводит: „ему победа, т. е. быть побежденным, или ему беда. „Олег Рязаньский срѣте царя Тахтамыша... и бысть ему помощник на побѣду Руси“ (Новг. IV, ПСРЛ, IV, стр. 84).

Стр. 25—34

Ср. в Слове о полку Игореве: „Не лѣпо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудныkhъ повѣстий о пѣлку Игоревѣ... Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ... растѣкашется мыслию (так в первом издании и в Екатерининской копии; большинство исследователей Слова читают „мысию“)... по земли... Помнѧшеть... пъровыѣ временъ усобицѣ. Боянъ же... своя вѣща прѣсты на живая струны вѣскладаше.... князь земль славу рокотаху... старому Ярославу... Мстиславу... Романови...“

Стр. 41—44

Ср. в Слове о полку Игореве: „истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плькы... за землю Русскую...“

Стр. 49—54

Ср. в Слове о полку Игореве: „Не буря соколы занесе чрезъ поля... комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ... у Дону великаго...“

Стр. 55—60

Участие новгородских войск в Куликовской битве исторически не засвидетельствовано. Древнейший список Задонщины — К-Б — рассказывает только о том, как новгородцы „у святыя Софии“ на вече произносят „жалобу“: „Уже намъ... к великому князю Дмитрею Ивановичу на пособье не поспѣти“. Остальные списки (У, И 1, С) вводят и сообщение о выезде из Новгорода 7000 „кованыя рати“ в Москву. А. А. Потебня (назв. соч., стр. 170) полагал, что самое упоминание о Новгороде, где „звонят в колоколы вечныя“, было вызвано Словом о полку Игореве, где после „звенит слава“, читается „трубы трубят Новѣгородѣ“ (т. е. Северском).

Согласно со списком К-Б, о новгородском вече рассказывает „Поведание и сказание“ (по определению С. К. Шамбина — „печатная

группа", т. е. типа изданного И. Снегиревым текста): „велико вѣчье бывать въ великомъ Новѣградѣ: стоять мужи новгородцы у святыя Софѣи премудрости божия, аркучи межу собою таково слово: Уже намъ, братие, на помощь не поспѣти к великому князю Димитрию“ (стр. 273). Во второй редакции Сказания, наоборот, отсутствует первая часть рассказа Задонщины — о вече — и сразу сообщается о выезде новгородского войска: „И выехали посадники из великого Новагорода, а с ними 700 к великому князю на помоч“ (С. Шамбинаго, назв. соч., стр. 11). Третья редакция Сказания опускает совершенно рассказ о новгородцах, и только в перечне убитых вспоминает „13 бояринов посадников новгородских“. Только в списке Уварова № 802, XVII в. этой редакции имеется песенного склада вставка, описывающая отъезд из Новгорода этих 13 посадников с войском. С. Шамбинаго предполагает, что эта вставка представляет собой книжную передачу песни (стр. 301):

... въ великомъ Новѣгородѣ
Стоять мужи новгородцы
у святыя Софѣи на площади,
Бывать вѣчье великое,
Говорять мужи таково слово:
Уже нам не поспѣть (на пособь) къ великому князю,
Кажутъ, онъ Оку реку перевозится,
Ино (намъ) будетъ Новынгородомъ не отсадиться,
И борзо мужики (новгородцы) наряжалися,
Отпушали (з города) тринадцать посадниковъ...
Съ ними же силы (немного, только) тринадцать тысячей,
А все люди нарядные,
Пансыри-доспѣхи давали з города...

В этой песенной, по предположению С. Шамбинаго, вставке первая половина рассказа почти дословно совпадает с текстом Задонщины, но вторая часть, начиная со слов „кажутъ онъ Оку реку перевозится“, — представляет уже особый рассказ. Повидимому, это уже поздняя новгородская версия, в которой звучит местная мотивировка желания новгородцев участвовать в походе: „Ино намъ будетъ Новынгородомъ не отсадиться“, т. е. в случае неудачи русского войска, Новгороду своими силами не отбиться от татар, потому де выгоднее помочь сразу. В такой передаче этого эпизода отсутствует обычная мотивировка участия местных войск в общем походе: „за веру христианскую, за землю Русскую и за обиду великого князя“.

Особое внимание вопросу об участии новгородцев в Мамаевом побоище уделила 4-я редакция Сказания. Здесь под заглавием: „Иную повѣсть да скажу вам о мужех новгородцах великаго Новаграда“ — помещен обширный рассказ о том, как готовился и, наконец, осуществился поход сорокатысячного „избранного новгородского воинства“ под командованием „воевод крепких и мудрых зело“. Повесть выдвигает роль архиепископа новгородского Евфимия, благословляющего новгородцев на поход против „поганого царя Мамая“, восхваляет храбрость новгородцев, которые „со многими странами в мире не живуще, храбости ради своея“. В ответе новгородцев Евфимию на предложение выступить в поход, слышна, как и в песенной вставке 3-й редакции, местная мотивировка: „немочно намъ, господине отче святый, оставит великаго князя Димитрия Ивановича московскаго единаго, аще ли, господине, князь великий спасень будет, то и мы с ним спасемъся“ (эта повесть в кратком изложении сохраняется и в переделке 4-й редакции — С. Шамбинаго, стр. 96—100, 146—148).

А. А. Шахматов полагал, что содержащееся во второй редакции Сказания указание на прибытие 7000 новгородцев „на помоч“ великому князю было „не выдуманным“, а действительным историческим фактом, и что в Сказание оно попало из „Московской летописи“ (Редензия на исследование С. Шамбина — Отчет о 12-м присуждении АН премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910, стр. 175). Если принять это утверждение, то в тексте Задонщины первоначальному придется признать чтение К-Б, т. е. рассказ о вече, а сообщение об отправлении новгородского войска рассматривать как вставку из Сказания.

Стр. 67—77

Ср. в Слове о полку Игореве: „... не худа гнѣзда... Ольгово хоробре гнѣздо... не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронъ, поганый половчине... О Бояне, соловию... абы ты сиа плькы ущекоталъ... свизая славъ (так в 1 издании; у Дубенского „славою“, позднейшее чтение „славиу“)... свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣдѣяни, конецъ копия въскъмлени...“

Во всех редакциях Сказания, кроме первой, одинаково цитируется обращение великого князя: „Братие, князи русские: гнѣздо есмѧ князя Владимира Святославича киевьскаго“.

Стр. 80—86

Гедимин и Сколъд (И. И. Срезневский. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. Изв. АН по ОРЯС, т. VII, вып. 2, СПб., 1858, стр. 97—98).

Ср. в Слове о полку Игореве: „... а всядемъ, братие, на свои бѣзыя комони, да позримъ синего Дону... испити шеломомъ Дону... о шеломы половецкія... сулицы... за обиду сего времени...“

Бадан — бодан — кольчуга от арабского *badan*, *badana*. И. И. Срезневский: „Байданы — род кафтаны с нашивными плоскими кольцами и бляхами. В Описи казны Бориса Годунова — бадана Мисюрская с сеченым кольцом и мишеню без ожерелья; ворот и рукава и по подолу опущена, в три ряда медью золочено. В описной книге 1687 г. байдана царя Алексея Михайловича описана так: байдана железная; на концах слова чеканены; три мищени медные посеребрены“ (Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине. Изв. АН по ОРЯС, том VII, вып. 2, СПб., 1858, стр. 98—99).

Стр. 88—95

Ср. в Слове о полку Игореве: „... громлють сабли о шеломы... чрѣлеными щиты... Сѣдлай, брате, свои бѣзыя комони, а мои ти готови сѣдлани у Курска напереди...“

В третьей редакции Сказания цитируются стр. 88—91 Задонщины: же, братие, стукъ стучить и аки гром гремить въ славнем градѣ вѣ, то идеть силнаа рать великого князя Дмитрея Ивановича, ть русские сынове своими злаченными доспѣхы“ (в списках типа ия и сказания“ доб. „а щиты червлеными“). В 4-й редакции оиант этого эпизода: „Братие, стук стучит и гром гремит граде Москвѣ, стучит силная рат великого князя Дмитрея ковьскаго а гремят русские сынове злаченными доспѣхами“ стр. 46, 90).

Стр. 94—95

Счет Литовской рати читается в Задонщине в списках У, И 1, С, но отсутствует в К-Б. Из редакций Сказания этот эпизод включают лишь списки третьей и близкого к ней „Поведания и сказания“. В лицевом списке Ундорского № 578 читаем: „Брате Дмитрий, колко съ нами вою удалыхъ людей и храбрыя Литвы? И рече князь Дмитрий: Вою съ нами седмъдесятъ тысящъ кованой рати удалыя Литвы, учрежены бо яко нарочиты противныя полцы“ (стр. 32). В списке Царского („Поведание“): „И рече князь Андрей: брате князе Димитрию, сколько съ нами вою удалыхъ людей и храбрые Литвы? И рече князь Дмитрий: вою съ нами 70000 кованые рати храбрые Литвы, учреждено бо, яко нарочитии противнии полцы“ (Русск. Историч. сборник, стр. 36, примеч. 2). Отсутствие этого эпизода в К-Б вызывает предположение, что счет литовского войска в Задонщине появился в позднейшей редакции из Сказания.

Стр. 95—100

Ср. в Слове о полку Игореве: „се вѣтри... вѣютъ съ моря стрѣлами... кровавыя зори свѣтъ повѣдаются... чрѣнныя тучи съ моря идутъ, а въ нихъ трепещутъ синии мльни... Быти грому великому... крычатъ тѣлѣгы...“ К-Б ближе других передает этот текст, сохраняя эпитет „синие“ молнии, вместо „сильные“ остальных списков.

Все редакции Сказания, кроме первой, сохраняют этот эпизод Задонщины, еще более, однако, упрощая его. 2-я редакция: „Тогда же возвѣща силни вѣты... возвѣявшу со востока ветру... На томъ бо полѣ сступиша силни полци вмѣсто, изъ нихъ же выступиша кровавыя зари отъ мечнаго сиания, яко молния блестаютъ“; 3-я редакция: „... на томъ бо полѣ силни плѣци сступиша, изъ нихъ же выступали кровавыя зари, а въ нихъ трепеталися силни мльни отъ облистания мечнаго“ (стр. 30, 65). В 4-й редакции последний образ изменен: „... облистание же мечное трепеташеся, яко силни молнии отъ рукъ богатырскихъ“ (стр. 116). „Поведание“ по своему трактует эту картину: „На полѣ Куликове между Дономъ и Мечею сильни полки сступиша, изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи и трепетали сильни молнии отъ облистания мечнаго и отъ саблей булатныхъ...“ (Снегирев, стр. 56).

Стр. 106

Ср. в Слове о полку Игореве: „... Обида... вѣсплескала лебедиными крылы...“

Стр. 109—112

Ср. в Слове о полку Игореве: „Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию; вѣлци грозу вѣроожать... орли клектомъ на кости звѣри зовутъ; лисици брешутъ... а галици свою рѣчъ говоряхутъ... О Русская землѣ уже за шеломянемъ еси“.

В Сказании редакции Никоновской летописи беспокойство зверей и птиц перед сражением описано летописной формулой: „Тогда же по вся нощи волцы выюще страшно и ворони и орли по вся нощи и дни грающе и клегчюще, ждуще грознаго и Богом изволенаго дни кровопролитнаго, по реченному: где будет труп, тамо съберутся орли“ (ПСРЛ, т. XI, стр. 56). В Ипатьевской летописи описано следующее „знамение“ „над полком“: „пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку

велику, играющимъ же птицам, орлом же клекъщимъ и плавающимъ криламы своими и воспромѣтающимъ на воздухъ...“ (стлб. 802). Сказание добавило к этой картине евангельскую формулу: „где труния, ту и орли“ (Матвея XXIV, 28). В примете-видении перед битвой, которое предсказывало русскому войску победу, хотя и ценой тяжелых потерь, повторяется эта картина во всех редакциях Сказания, включающих этот эпизод. Но начиная со второй редакции, Сказание в картине перед боем заменяет летописную формулу знамения той, которая читается в Задонщине.

Наиболее полно беспокойство зверей и птиц перед битвой описано в „Поведании и сказании“ (3 редакция) и в четвертой редакции, где близость к Задонщине сохраняется особенно ясно. „За многие же дни прииодаша на то мѣсто мнози волды, по вся ноши воют непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждается. И мнози ворони сбрасшася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орли от усть Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, в онъ же имать пастися множество трупа человѣческаго, и кровопролития, аки морскимъ водамъ“ (С. Шамбинаго, стр. 273; ср. очень близко 2-я ред. — стр. 22, 3-я ред. — стр. 57, 4-я ред. и ее переделка — стр. 106—107, 156, западно-русская редакция — стр. 180). Связь этого эпизода с чтением Никоновской летописи очевидна, но выпала евангельская формула и отражена картина Задонщины.

Стр. 111—112

Появление в рефрене имени Соломона на месте „шеломянемъ“ Слова о полку Игореве вызвало ряд объяснений. И. И. Срезневский (Известия АН по ОРЯС, VII, вып. 2, СПб., 1858, стлб. 98) полагал, что имя Соломона царя введено было в текст автором, который разумел под ним Владимира I Святославича. А. Смирнов (Русск. Филолог. вестник, 1890, т. XXIII, №2, стр. 273—276) считал, что Синодальный список лучше сохранил в этом месте оригинал, где также читалось: „земля рязанская, тепер бо ест како за Соломоном царем побывали“ (стр. 14). „Автор обращается к своей Рязанской земле и говорит о Соломоне, может быть имея в виду своего князя, умного Олега Ивановича, которого не считал изменником, каким обзывали его северные составители исторических сказаний. С точки зрения рязанца, Олег не изменил русскому делу. Пообещавши дать помощь Мамаю и не исполнив своего обещания, он этим отвел только от своей земли большую беду, которая неминуемо постигла бы ее при союзе с Димитрием“. Олег „несомненно желал гибели не своему сопернику (Димитрию) и не родной ему Московской Руси, а общерусскому врагу Мамаю. Когда эта гибель последовала, когда для Рязанской земли большая беда миновала, певцу русской славы естественно было отнести сочувственно и к своему князю Олегу, новому („тепер бо ест“) Соломону, мудро отвратившему беду от своей земли и как бы тоже содействовавшему гибели общего для всей Руси врага“. Объяснение А. Смирнова натянутое и более сложное, чем убедительное.

С. К. Шамбинаго (стр. 88) полагает, что в тексте Софония читалось — „теперь бо еси за соломянемъ побывала“: „упрек в непонимании текста Слова отнюдь не должен лежать на Софонии, который всюду им пользуется умело, а на том читателе, который осмыслил по своему непонятное ему место“. Таким образом „царь Соломон“, можно думать, появился в Задонщине как позднее, хотя уже известное в XV в.,

истолкование первоначального „соломянемъ“. Слово „шоломя“ в Сказании о Мамаевом побоище встречается часто (см., например, в Никонов. редакции, стр. 58—59).

Предположение С. К. Шамбина развили А. Д. Седельников (Где была написана Задонщина? Slavia, IX, 3, стр. 529—531). Слово „шеломянемъ“ приобрело благодаря псковскому шепелявому произношению мягкого *ш* и графической замене в таком положении *e* через *о* — начертание „соломянемъ“. Такое написание привело к сближению этого слова с северно-великорусским по преимуществу произношением имени „Соломон“ — „Солбомон“, что в акающих говорах дало написание „Соломан“, т. е. форму, наиболее близкую к „соломянемъ“ Слова о полку Игореве. Таким образом и создался в Задонщине рефрен, ставивший вступник исследователей этого памятника своей неожиданностью в его тексте.

Как бы подкрепляя такое предположение, П. Я. Черных (О выражении „за шеломенем“ в Слове о полку Игореве. Ярославский Гос. педагогич. институт. Ученые записки, вып. 1. Гуманитарные науки. Ярославль, 1944, стр. 47—61) высказывает гипотезу, что уже в Слове о полку Игореве читалось: „О Русская земле! Уже за соломенемъ если“, переводя это место — „за Керченским проливом“.

Стр. 113—115.

Этот образ соколиной охоты сокращенно передан в К-Б, несколько расширен в С. Сказание всех редакций, кроме Никоновской (1-й), воспроизводит его в объеме списков У, И 1. Лучше всего цитата из Задонщины сохранилась в списках третьей редакции: „Уже бо тогда аки соколи урвашас от златых колодиць ис камена града Москвы и възвѣтъша под синия небеса, и възгрѣмъша своими златыми колоколы и хотять ударитися на многыя стада лебедины и гусины“. Но в Задонщине отсутствует разъяснение этого образа как отрицательного сравнения, а Сказание продолжает: „То, брате, не соколи вылетѣли ис каменна града Москвы, то выехали руссыя удалци съ своимъ государемъ с великимъ княземъ Дмитреем Ивановичем, а хотять наѣхати на великую силу татарскую“ (стр. 50; ср. во 2-й ред. короче — стр. 15, в 4-й — стр. 94).

Отголосок этого образа соколиной охоты читается еще раз во всех редакциях Сказания (кроме Никонов.) при описании выезда засадного полка, причем снова полнее всего этот отголосок сохранился в 3-й редакции: „... выѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушенны урвалися от златых колодиць, ударилися на великия стада жировины, на ту великую силу татарскую“ (стр. 67). Во 2-й ред.: „яко уношенныя соколы и ударишася на многи стада гусиния“ (стр. 31); в 4-й ред.: „... аки соколы ударишася на многие жеравлиные стада“ (стр. 118).

Стр. 115—119

В отличие от других списков, К-Б вводит в этот эпизод хронологическое указание, разрезающее текст, а потому, очевидно, не принадлежащее ни оригиналу, ни редакции, представленной списками У, И 1, С; но в К-Б не упоминается о молитве великого князя.

Ср. в Слове о полку Игореве: „Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень... Солнце ему тьмою путь заступаше... свѣтъ повѣдаютъ...“

Сказание отразило этот эпизод во всех редакциях, кроме Никоновской. Но объем этого эпизода не совпадает со списками Задонщины. В Сказании нет указания на то, что великий князь взял меч, помолился,

что за него молились „сродники“ Борис и Глеб, нег и хронологической справки К-Б. Таким образом, в Сказании картина выезда великого князя наименее близка к Слову о полку Игореве, что, может быть, указывает на объем этого эпизода в авторском тексте Софонии, к которому в данном отрывке приближался использованный Сказанием текст Задонщины.

Четвертая редакция Сказания лучше второй сохраняет эту картину выезда великого князя: „...въступив в свое златокованное стремя и всѣдь на свои избранный конь... И тогда ему солнце на востоце ясно сияет, путь им кажется...“ (стр. 94). Во 2-й ред.: „...въступив в златое свое стремя и седе на любезный свои конь... а солнце им со востока съяется...“ (стр. 15); в 3-й ред.: „И взыде на избранный свой конь... Солнце ему на въстоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдастъ...“ (стр. 50). Вряд ли следует связывать с этим эпизодом Задонщины, отраженным в Сказании, фразу, повторяющуюся во всех редакциях Сказания, в том числе и в Никоновской: „бѣ ему спреди солнце грѣаше, а ззади по нем кроткий и тихий вѣтр вѣаше и дыхаше“ (Никонов, стр. 54). С. Шамбина полагал, что это „какая-то редакционная поправка“ данной редакции, заимствованная из „Поведания“ (т. е. из Задонщины, по терминологии автора — стр. 150).

Стр. 120—121

Ср. в Слове о полку Игореве: „Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ...“

Сказание 2 и 3-й редакций одинаково передают этот эпизод: „стук стучит и гром гремит по зорѣ по ранней“. Образ служит для сравнения с движением войска Владимира Андоевича через Москву-реку (стр. 16, 51; в 4-й ред. опущ. „по зорѣ по ранней“ — стр. 95).

Стр. 125—131

Весь этот эпизод — речь великого князя с перечнем воевод — отсутствует в К-Б. Самый перечень, очевидно, позднейшая вставка в текст Задонщины, так как она стоит между повторяющимися дважды фразами: „а воеводы у нас установлены“ (так У, И 1; в С повторено лишь „а воеводы“). В Сказании такого перечня воевод нет. В этом перечне Задонщина называет, кроме братьев Ольгердовичей и Дмитрия Волынского, те же имена, которые ниже читаются в списке убитых в первом эпизоде сражения. Таким образом, вряд ли есть необходимость искать для этого расширения первоначального текста Задонщины особый источник.

Стр. 131—137

К-Б пропускает это описание дружины и ее вооружения. Ср. в Слове о полку Игореве: „свѣдоми... борзыя комони... шеломы... сулицы... мечи... пути им вѣдоми... хощу главу свою приложити...“

Только „Поведание и сказание“ включает этот эпизод: „И говорить князь Владимиръ Анд҃реевичъ: Господине, князь Димитрій Ивановичъ! воеводы у нас велми крѣпцы, а руские удалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы и колчары Фряйскія, корды лятыцкіе, сулицы немецкіе, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога им велми свѣдома, берези имъ по Одѣ изготовлены, хотять головы своя

сложити за вѣру христианскую и за твою обиду государя великаго князя" (стр. 273).

Стр. 138

Сказание всех редакций, кроме Никоновской, повторяет образ „хоругви аки живи пашутся“ (стр. 23, 58—59, 108).

Стр. 144—151

Весь этот эпизод в сохранившихся списках Задонщины стоит не на месте: он описывает разгром татарского войска и славу Русской земли, которая „одолѣша рать татарскую“. Между тем в первом эпизоде боя перевес был на стороне Мамая. Стр. 239—240 повторяют часть описания поля битвы: „а трупми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли“. Видимо, где-то именно здесь и стоял весь эпизод. Это предположение подтверждается списком Сказания (рукопись Оболенского — см. выше № 7, б), где весь отрывок „Черна земля“ правильно помещен после описания разгрома татарского войска. И в тексте „Поведания и сказания“ (список Тимковского, изданный И. Снегиревым — Русский историч. сборник, т. III, вып. 1, М., 1838, стр. 68) описание славы Русской земли вставлено после рассказа о разгроме Мамая. Таким образом, есть основание полагать, что в первоначальной редакции Задонщины и в тех ее списках, которыми располагали „Поведание и сказание“ и писец списка Оболенского, эпизод, рассказывающий об ужасном виде поля битвы и о славе Русской земли, стоял не в первой, а во второй части повести и относился к описанию окончательного разгрома Мамая.

Из всех редакций Сказания этот эпизод отражен лишь в Поведании и в списке Оболенского, не представляя таким образом постоянного добавления к тексту Сказания из Задонщины. В сп. Оболенского: „На том бо полѣ Куликовѣ черная земля под копыты татарскими костми поля кровию земля улита бысть, протопташа холми и луги, возмутиша рѣки и потоки и езера наполнившася“ (Шамбинаго, стр. 117). Поведание: „В то же время тутощныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, озера выступища из мѣстъ своихъ, протоптавшася холми высокие, траву же кровию подмывало... пойде вѣсть по всѣмъ градомъ, ко Орначу, к Риму, к Кафѣ, къ Желѣзнымъ вратамъ, ко Царюграду на похвалу. Русь поганыи одолѣша на полѣ Куликове, на рѣчкѣ на Непрядве. Воздадимъ хвалу Русской земли“ (стр. 50, 68 изд. Снегирева).

Ср. в Слове о полку Игореве: „Чрѣна земля подъ копыты костьми была посъяна а кровию польяна... притопта холми и яругы; взмуты рѣки и озера; иссущи потокы... Дивъ кличетъ врѣху дреza, велить послушати земли незнаемъ...“ Орначъ — по объяснению И. Снегирева (Русский историч. сборник, III, 1833, стр. 68, прим. 2, со ссылкой на Плано Карпини, Путешествие к татарам, в переводе Д. Языкова, 1825), Орна — нынешний Азов или древняя Тана.

В списке К-Б в последнем эпизоде вместо обычного перечня стран читается цитата из Слова о погибели Русской земли (л. 127, изд. П. Симони).

Стр. 157—163

Перечень убитых в первом эпизоде сражения воевод совпадает в списках У, И 1, С, но в списке К-Б большая часть имен иные. Оба перечня в значительной части совпадают с Летописной повестью,

восходя, видимо, вместе с ией к Синодикам (см. С. Шамбинаго, стр. 71—73). Ближе всего и к Летописной повести и к синодикам список К-Б, в который, впрочем, входит дополнительно имя Иакова Ослебятина (смерть которого предсказывает в Задоншине его отец инок Ослебя — стр. 174—175).

Последняя фраза, заключающая перечень убитых, в списках У, И 1, С оторвалась и попала не на место — после речи Пересвета. Списки К-Б и С помещают эту фразу правильно.

Только в списках „Поведания и сказания“ встречается отголосок этого эпизода, но без перечня убитых: „Не тuroве возревъша на полъ Куликовъ, возревъша мнози удалцы, урывающеся на землю под конские копыта...“ (Шамбинаго, стр. 280).

В Сказании Никонов. редакции этот счет убитых воевод читается в описании поля битвы в конце повести (стр. 65), в редакции, близкой к Летописной повести.

Стр. 164—169

Ср. в Слове о полку Игореве: „Бориса же Вячеславича слава на судь приведе... луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти... скочи къ граду... кликомъ поля прегородиша... златымъ шеломомъ посвѣчивая... а чи диво ся, братие, стару помолодити...“

В К-Б этот отрывок стилистически разнится от остальных списков: вместо традиционного „на борзе кони“, здесь „на своеемъ вѣщемъ сивцѣ“; добавлено „свистомъ поля перегороди“; речь Пересвета дана в позднем пересказе: „лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели на мъ от поганыхъ положенымъ пасти“ (л. 127 об.).

Стр. 172

Иакова Ослебятина в числе убитых на Куликовом поле называет список К-Б. В третьей редакции Сказания среди „крепких оружник“, которых посылают впереди войска „сторожу тверду уготовити в Поле“, назван „Яков Ослебятов“ (см. А. А. Шахматов, назв. соч., стр. 184, прим. 2).

Стр. 176—179

Ср. в Слове о полку Игореве: „Тогда по Руской земли рѣтко ратаеъ кикахуть, иль часто враны гряхуть, трупиа себѣ дѣляе... земля... кровию польяна... а древо с туюю къ земли преклонилось... зегзицею... кычеть...“

В К-Б, сравнительно с другими списками, добавлено: „зогзици кокуютъ“.

В Сказании всех редакций, кроме Никоновской, из этой картины Задоншины усвоено лишь: „древа прекланяются, трава постилается“ (стр. 22, 57, 107).

Стр. 180—185

Ср. в Слове о полку Игореве: „жены рускыя... въсплакашась... Ярославна рано плачеть... на заборолъ аркучи... О Днепре... ты пробилъ еси каменные горы сквозъ землю Половецкую... Възелъ, господине, мою ладу къ мнѣ.“

Плачи жен, в более или менее полной передаче, вошли только в некоторые списки 3-й редакции Сказания. Румянц. 378: „И возопили

бяще птицы жалостныя пѣсни... и всѣ восплакалися кнении и боярни и воеводыкіе жены о своих государех избиенных. Воеводина жена Микулы Василевича Марья рано плакашес у Москвы града на заборолех, аркучи: Доне ты Доне, река славная и быстрая! Прорыла еси горы каменныя, течеши, Доне, в землю Половецкую, прилелѣй ко мнѣ моего государя, Микулу Василевича" (стр. 114). Уваров. № 492: "Слыша ту погибельную вѣсть, Феодосия Микулина Васильевича да Мария Димитриева жена Волуе[ви]ча, да Тимофеева жена Волуевича рано плакаше у Москвы реки на берегу и ркучи: Донъ, Донъ, быстрая реко, протекла еси сквозь каменные горы, а течеш в землю половецкую, прилелѣй нашихъ государей к намъ, Микулу Васильевича, Димитрия Волуевича, Тимофея Волуевича" (стр. 266). В этой цитате интересно сохранение слова „сквозь“, отсутствующего в списках Задонщины, но имеющегося в соответствующем эпизоде Слова о полку Игореве.

Стр. 187—189

Ср. в Слове о полку Игореве: „Веселие пониче... а уже не вижду... брата моего...“

В списках 3-й редакции Сказания читаем: Румянц. 378—„А Тимофеева жена Волуевича Федосья да Дмитриева жена Вологжского Марья тако же плакашесь, аркучи к себѣ: Уж нам веселie наше поничет в славномъ граде в каменной Москвѣ, уже не видим государей своихъ во своихъ животъх“ (стр. 114); Уваров. 492—„Уже веселie наше пониче в славномъ градѣ Москвѣ, уже бо не видимъ мужей своихъ в животе“ (стр. 266).

Стр. 190—193

Ср. в Слове о полку Игореве: „два солнца помѣркоста... ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣда злата, а в сѣдо кошиево...“

В Сказании этот плач полнее передает список Румянц. 378: „... Припахнули нам от быстрово Дону поломянныя вѣсти... Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Ксения рано плакашес: Се убо нам обоим сонце поничет в славном граде Москвѣ. Припахнули намъ от быстрово Дону поломянные вѣсти, но с великою побѣдою совседоша удалцы з борзых коней своих на суженое мѣсто на поле Куликово за быстрым Доном рекою“. Уваров. 492: „... уже веселie наше пониче а солнце нам померче в славнѣ градѣ Москвѣ“ (стр. 114, 266; ср. „Перепахнула веска за реку Москву во тот же как веть Киев град“—А. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904, стр. 345—в былине „Илья Муромец и чудище проклятое в Цареграде“).

Стр. 194—204

Ср. в Слове о полку Игореве: „Се у Римѣ кричать под саблями Половецкими а Володимиръ под ранами... Дивъ кличетъ... ты бо можеши Волгу веслы раскропити, в Донъ шеломы выльяти... затворивъ Дунаю ворота...“

Этот отрывок вошел только коротко в список Уваров. 492 и полно в список Сказания—Румянц. 378: „Диво кличет в Русской земли саблями татарскими. И щурове рано возлѣти и воспѣти жалостные пѣсни у Коломны града под заборолами, на воскресенье Христово на вечерню 26 день сентября на памят святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова. То ти не щурове возлѣти, рано восплакали жены коломенския у Коломны града на заборолех о избиенных, смотрячи на

быструю реку на славную Москву, аркучи жалостно: Москва еси, Москва река быстрая, почему еси залѣвляла мужий нашии от нас в землю Половецкую. И глаголющи с великим плачемъ: Можеши ли, государь князь великий Димитрий Ивановичъ, веслы Нѣпъ реку запрудити, а Дон реку трупы татарскими запрудити. Замки, князь великий Дмитрий Ивановичъ, Окъ рѣкъ ворота, чтобы потом к нам погании татаровя на Русскую землю не ъездили, а нас не квелили по своих государех, а дѣти бы наши сиротством не скитались без своих отцев. Уже бо мужии наши рат прибила за рекою за быстрым Доном на поле Куликове, на рѣчке на Непрядве на их суженом мѣсте...“ (Шамбинаго, стр. 114—115). Уваров. 492: „Коломенских бояръ жены рано плачущие у Коломны на забралах града и рекучи: Москва, Москва, быстрая реко! чьему еси залелъяла мужей нашихъ от нас в Половецкую землю. Так можеши ли, господине князь великий, веснѣ прудъ запрудити, а Дон реку шеломы вычерпatti. Аще, господине, Дон реку татарскими запрудиши трупы, а замки, господине князь великий, ворота желѣзными враты, чтобы, государь, потом погании к нам не ходили, уже мужей нашихъ погании побили на поле Куликове на рѣчке на Непрядве“ (стр. 266). Цитата в списке Румянц. 378 интересна тем, что она повторяет, хотя и в искаженном виде, хронологическое указание списков Задонщины.

Стр. 207—208

Ср. в Словѣ о полку Игореве: „кamo туръ поскочише, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая...“

Стр. 212, 217—219

Упоминание о „коромолщиках“ может быть относится к тем воеводам, которые и раньше протестовали против переправы войска через Дон. О спорах по этому поводу рассказывает Летописная повесть. Видимо, какие-то колебания возникли снова, когда после неудачного начала боя следовало выпускать засадный полк. В Задонщине эта часть повествования отступает от исторической действительности, так как в переговорах участвует великий князь вместо Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского. Как известно, великий князь, раненный в начале сражения, в засадном полку не был. К тем, кто колебался в этот момент боя, относятся, возможно, и иронические слова, ошибочно приписываемые великому князю Московскому: „То ти не ваши московские слаткие меды...“ В этих словах слышно какое-то недоброжелательство по отношению к московским воеводам, и сомнительно, чтобы их мог произнести московский князь. Если же вместо „Дмитрий Иванович“ здесь следовало читать „Дмитрий Михайлович“ (т. е. Боброк-Волынский), тогда автор-рязанец мог сочинить такой эпизод, чтобы выразить то ироническое отношение к московским воеводам, которое ощущается, например, и в повести о битве на Пьяне.

Стр. 214—216

Это описание поля битвы в Сказании третьей редакции включено в речь князя Владимира Андреевича „на костех“: „борзъ конь не можетъ скочити, а в крови по колѣни бродяжу“ (С. Шамбинаго, приложение, стр. 68). А. А. Шахматов (назв. соч., стр. 135) указывает, что „в краткой Московской летописи“ начала XVI в. (списки Погодин. № 1409 и № 2036, Уваров. № 567) Летописная повесть добавляет к описанию

сражения: „а трупа человечѧ не може конь скочити“. Это добавление сохраняется и в переделке данной редакции, помещенной в Архангело-городском летописце (С. Шамбинаго, стр. 351), где читаем: „а трупа человечѧ никако жъ можетъ конь скочити.“ Возможно, что в данном случае поздняя редакция Летописной повести усвоила образ Задонщины.

Стр. 221—224

Эта необычная для Задонщины молитва великого князя представляет цитату из псалма 24, стр. 1—2. Поскольку эта часть повести не сохранилась в К-Б, трудно судить, была ли она в первоначальной редакции. Однако, если выше—стр. 115—119—в описании выезда великого князя в К-Б и даже в цитате Сказания отсутствует упоминание о молитве и о „сродниках“ Борисе и Глебе,—можно думать, что и эта молитва—позднейшая вставка, подгоняющая стиль Задонщины под общую манеру московской исторической повести, в частности—сближающую Задонщину с Летописной повестью, изобилующей молитвами великого князя.

Стр. 228

Образ пира—чаши, в данном случае „медвяной поведеной“, широко применяется разными редакциями Сказания. В Никоновской этот образ встречается лишь один раз: при виде убитого татарского богатыря великий князь произносит: „от того было многим пiti горкую чашу“ (Никонов., стр. 65; повторяется во всех остальных редакциях). Но уже со второй редакции Сказания образ чаши становится употребительным, сближая Сказание с рязанской повестью о нашествии Батыя. Русские войска идут на бой—„успешно грядут аки чаши медвяныя пiti и стеблия винного ясти, но не медвяныя чаши пiti, ни стеблия винного ясти, но хотят чести добыти и славного имени въки“ (стр. 16). Речь перед укрытием засадного полка: „Во утрии же день имам вси пiti общую чашу смертную поведеную, тое бо есмѧ чаши еще на Руси жадали за многи дни“ (стр. 24). Речь великого князя: „а ныне також хочу прежде вас Христову чашу пiti и прежде вас умрети... да опшую чашу имам с вами пiti и общею смертию имам умрети с вами вмѣсте“ (стр. 26, 29). „Видите, братия, гости наши ближают нас, водят премеж собою поведеную, весели уж быша“. Засадный полк бросается, „аки званний на брак сладкаго вина пiti“ (стр. 29—31). С небольшими вариантами все эти образы повторяются во 2, 3 и 4-й редакциях Сказания.

Если этот образ есть отголосок рязанской повествовательной манеры, то у Софронии он мог явиться и независимо от других источников. Вряд ли поэтому следует рассматривать этот образ как признак позднейшей редакции Задонщины.

Стр. 233—235

Ср. в Слове о полку Игореве: „Стязи глаголуть... Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволоды! стоиши на борони...“

Во всех редакциях Сказания, кроме Никоновской, в описании сбоя русского войска повторяется образ „стязи ревут“. Полнее этот эпизод передается только в списке Оболенского: „Руские же сынове широкие поля кликом оградиша и злаченые доспѣхи освѣтиша“ (стр. 118).

Стр. 237—238

В Летописной повести аналогичное выражение рисует избиение татарского войска: „погнаша за ними, бьюще и съкуще поганыхъ без милости“ (ПСРЛ, IV, ч. I, Л., 1925, стр. 32). Возможно, что в первоначальном чтении Задонщины стояло только „нача их бити гораздо“, как в списке И 2. Но уже в третьей редакции Сказания эта цитата приведена в расширенном, вероятно на основании Летописной повести, виде: „И начаша поганых татаръ сеци немилостивно... съкуще поганыхъ без милости“ (стр. 67).

Стр. 240—242

Ср. в Слове о полку Игореве: „А Половци неготовами дорогами побѣгоша к Дону великому... изъ луку моря... Ту ся брата разлу-^ж чиста...“

Этот эпизод то полнее, то короче воспроизводится в отдельных списках Сказания (кроме Никонов. и второй). Уидольск. 578: „побѣгоша въ поле неуготованными дорогами въ лукоморие, скречюще зубы своими, дерущи лица своя...“ (С. Шамбинаго, стр. 45). „Поведание и сказание“: „и побѣгоша в поле неуготованными дорогами в лукоморье“ (Снегирев, стр. 60), „и аbie побеже самдесят в лукоморие... скрекчюще зубы своими...“ (Ш., стр. 257); Оболен.: „гораздо им тоску подаваше и тугу. Тут бо они разно разлучишася, гораздо бѣжать неуготованными дорогами в лукоморе и зкргчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако“ (стр. 117).

Стр. 242—245

Этот плач построением и ритмом напоминает плач жен русских в Слове о полку Игореве: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити... а злата и сребра ни мало того потрепати...“

Сказание цитирует этот плач то как плач татарского войска, то как плач Мамая. Оболен.: „уже нам, братее, в земли своей не быват, а катун и дѣтей своих не видать, а Русь ратию не ходит, и выхода нам у руских князей не просит“ (стр. 117). Список Погодина 1555 (по определению С. Шамбинаго — переход от 3-й редакции к 4-й, стр. 307): „Уже намъ в своей земле не бывати, а катунъ своих не трепати, а детей своих не видати, трепати намъ сыра земля, целовати намъ зеленая мурава. А на Рус нам уже ратю не ходити, а выходовъ намъ не имати.“ Обычно в 3-й редакции этот плач произносит Мамай (стр. 68).

Катун — катун тюрк, госложа, жена хана или царевича, позднее женщина вообще (см. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Йзд. АН СССР. М.—Л., 1941, стр. 305).

Стр. 246—251

Ср. в Слове о полку Игореве: „А вѣстона... Киевъ тugoю... Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче... всякими узорочи... готьскыя красныя дѣвы... звоня Рускымъ златомъ...“

Следы этого эпизода в Сказании редки. В списке Погодина 1555: „Застонула татарская земля бѣдами и тугами покрывавшеся, уныша сердцо и хотения, князем похвала на Русскую землю ходити. Уже сынове руские заграбиша доспехи наши и всякое узороче, отласы и бархаты“ (стр. 307). В списке Оболен.: „Уже бо востонала татарская земля, бѣдами и тугою покрышася. Уныша бо царие их хотѣние похвалився на Рускую

землю ходити. Князем руским похвала. Уже бо руския сынове татарское узороче разграбиша, доспѣхи и копия и кони и велблюды и вино и сахар и дорогое узороче, камки и отласы и насычи и бугай везутъ женамъ своимъ. Уже руския жены восплескали татарским златом" (стр. 117—118).

Стр. 252—255

Ср. в Слове о полку Игореве: „По Руской земли простираясь Половци... и великое буйство подаста Хинови (ср. „хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“)... Уже снесеся хула на хвалу... уже врѣжеся Дивъ на землю... грозы твоя по землямъ текутъ...“

В Сказании редки отголоски этого эпизода. В списке Оболен.: „уже возсия хула на хвалу и врѣжеся Диво на землю“ (после описания первого приступа): „Уже Руской земли простирася слава и веселье и буйство, вознесеся слава руская на поганых. Уже бо вверженъ скипетръ на землю. Уже бо грозы велицы текут величаго князя по всей Руской земле...“ (стр. 118). В 4-й редакции, как в списке Оболен., после описания первого эпизода боя читается: „Уже возлияс хвала на хулу и врѣжеся Диво на землю“ (стр. 116).

Стр. 255—259

Ср. в Слове о полку Игореве: „Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую... сулиди своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужны... Трубы трубятъ... уныли голоси, пониче веселье...“

Только в списке Оболен. есть след этого эпизода: „уже бо поганни оружия своя повергше на землю, а главы своя под руския мечи подклониша, а трубы их не трубят, уныша гласы их“ (стр. 118).

Стр. 260—271

Рассказ о бегстве Мамая в Кафу, о насмешках, которыми его встретили в Кафе „Фрязове“, прогнавшие его оттуда, и лирические размышления о Русской земле, которую „бог помиловал“, — не находят себе соответствия ни в Летописной повести, ни в Сказании. Обильно использовавшее Задонщину Сказание не отразило этого своеобразного эпизода. Бегство Мамая в Кафу и убийство его там произошли уже после поражения, которое нанес Мамай Тохтамыш. Задонщина не упоминает об этом столкновении татарских предводителей, но она и не говорит об убийстве Мамая; создается впечатление, что Мамай снова бежал из Кафы, после чего уже развернулись дальнейшие события — сражение с Тохтамышем и смерть Мамая.

Откуда мог быть взят материал для создания этого рассказа? О бегстве Мамая в Кафу было известно и из Летописной повести и, вслед за ней, из Сказания. Сравнение Мамая с Батыем, на котором построена насмешливая речь фрягов к Мамаю, могло быть навеяно также этими повестями. В Летописной повести Мамай перед походом на Русь держит речь к своим воеводам: „Поидемъ на рускаго князя и на всю силу рускую, яко же при Батыи было, крестьянство потеряемъ и церкви божиа попадимъ и кровь их прольемъ и законы их погубимъ (ПСРЛ, IV, ч. I, Пгр., 1915, стр. 311). В Сказании первой (Никоновской) редакции рассказывается о том, как Мамай, разгневанный поражением на Воже, „възнесеся во умъ своемъ гордостию велиею и хотяше второй

царь Батый быти и всю землю Русскую плѣнити... царь Батый плѣниль всю Русскую землю и всѣми странами и всѣми ордами владѣль, такоже и Мамай мысляше во умѣ своемъ, паче же въ безумии своемъ" (стр. 46—47).

С. К. Шамбинаго считает этот рассказ о бегстве Мамая редакторским добавлением в списках У, С, которое представляет „любопытную переделку соответствующего эпизода из Летописной повести под тон писания Софонии“; „образы“ этого рассказа, по определению С. К. Шамбинаго, „также взяты из Слова о полку Игореве, но по языку и по тону он не подходит к общему стилю Поведания“ (т. е. Задонщины, которую С. К. Шамбинаго в своем исследовании называет Поведанием — стр. 93—94, 129). Академик А. А. Шахматов (назв. рецензия, стр. 182—184) возводил рассказ о бегстве Мамая в Задонщине к предполагаемому им „Слову о Мамаевом побоище“, отрицая его связь с Летописной повестью. Однако эта гипотеза не снимает самого вопроса об источниках рассказа Задонщины. Тон речи фрягов к Мамаю и вся форма этой речи скорее говорят об устном, чем о литературном источнике этой картинки посрамления Мамая его собеседниками: „Нѣшто тобя князи русские горазно подчивали, ни князей съ тобою, ни воевод? Нѣчто гораздо упалися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковыли“. Однако основной образ, на котором построена эта насмешка, — сравнение битвы с пиром, применяется в многочисленных эпизодах Сказания (ср. комментарий к стр. 228 Задонщины). Во 2, 3 и 4-й редакциях татары — гости, которые „испивают“ „поведеную чашу“, „иний же от них уже испиша и весели быша, уже бо время подобно час приспѣвшу“ (4-я редакция, стр. 115).

К устному источнику ведет как будто и образ Мамая, который „отскочи серым волком от своея дружины“ (стр. 260). Ср. в былине — Волх Всеславьевич, который, среди других „мудростей“, учится обертываться „серым волком“ (Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 19). Впрочем, именно эта первая фраза данного эпизода Задонщины имеет стилистические параллели в Словѣ о полку Игореве: „Всеславъ... скочи от ныхъ лютымъ звѣремъ... скочи влькомъ до Немиги... Игорь... скочи съ него бусым влькомъ...“ Но эпитет „серый“ ведет к устной традиции. Отдельные выражения Слова для данного эпизода автор мог найти в других частях Задонщины: „в лукоморье“ (с. стр. 241), „из траве ковыли“ (ср. стр. 172, 173), „дружина“ (стр. 213, 132, 162). Здесь же читаются и другие стилистические обороты, употребляющиеся в рассказе о бегстве Мамая: „на поле Куликове“, „у быстрого Дону“, „орда Залесская“ (ср. земля Залесская), „окованые рати“, „а ты пришел на Русскую землю“ (ср. в предисловии, стр. 4).

Рассказ Задонщины о бегстве Мамая напоминает отдельными выражениями один из списков 3-й редакции Сказания (Толстого № 442, конца XVII — начала XVIII в.): „И аbie побеже самдесят в лукоморие, сѣрым волком воючи“ (С. Шамбинаго, стр. 257) — ср. в Задонщине: „и отскочи... серым волком... бѣжишь самдевят въ лукоморье“. Это единственный отголосок в Сказании данного эпизода Задонщины.

Однако, при несомненной стилистической связи некоторых выражений этого рассказа о бегстве Мамая с другими эпизодами Задонщины, обращает на себя внимание дидактический тон всего рассказа в целом, резко отличающий его от „писания Софонии“. Успех Батыя объясняется тем, что тогда „казнил бог Русскую землю за согрѣшения“ (стр. 267), теперь же бог „помиловалъ князей русских“. Совершенно не подходит к общей манере Задонщины эпизод — „Нам земля подобна есть Русская“ (стр. 272—274).

Наличие рассказа о бегстве Мамая в трех списках Задонщины (У, С, И 1) позволяет видеть в нем часть той редакции, которая сохранилась в этих списках. Но нельзя утверждать, что рассказ этот был и в первой редакции повести.

Стр. 277—301

Эта заключительная часть повести, в которой описывается происходившее „на костех“, т. е. на поле битвы после окончания сражения, состоит из счета убитых и двух речей великого князя — к дружине и к брату.

Самая композиция заключения напоминает Летописную повесть, где также последние речи произносятся „на костех“. С. К. Шамбина считает, что первая часть этого заключения — счет убитых не входила в первую редакцию Задонщины: „Композиция этого отрывка не носит характерных особенностей, отличающих Слово о полку Игореве; она ближе к народно-поэтическому творчеству. В погоне за эвфонизмом это перечисление варьировалось и дополнялось в различных списках“ (стр. 129—130). Академик А. А. Шахматов, наоборот, включал счет убитых в основной текст Софонии, возводя его к „Слову о Мамаевом побоище“ (стр. 184).

Обращаясь к текстам Сказания, мы видим, что в Никонов. редакции самый эпизод сохраняется, но нет перечисления бояр: „глагола князь великий Дмитрий Иванович: изочтите, братие, колико осталося всъхъ нась. И изочтоша и глагола Михайло Александрович Московской бояринъ: господине княже, осталося всъхъ нась 40 000, а было всъхъ вяще четырехсотъ тысячи и конныя и пѣшия рати“ (стр. 65). С. К. Шамбина считает, что этот эпизод вместе с речами великого князя к дружине и к брату представляет в данной редакции Сказания заимствование из „позднейшей“ редакции писания Софонии и наличие его в Сказании „следует объяснять какой-то редакционной поправкой“ (стр. 149—150). Таким образом, эта заключительная часть оказывается в Никоновской редакции единственным заимствованием из Задонщины. Дальнейшее изучение истории текста Сказания покажет, можно ли согласиться с этим мнением.

В других редакциях Сказания счет убитых воспроизводится в том же виде, в каком он читается в списках Задонщины. Различие ограничивается цифрами и пропуском или прибавкой каких-либо групп бояр. Но везде счет ведет „Михайло Александрович московский боярин“, везде счет начинается с бояр московских и князей белозерских. В 3 и 4-й редакциях Сказания, как в Задонщине, перед счетом убитых есть описание поля битвы, причем это описание дает великий князь: „Грозно бо, брате, въ то время посмотрити, лежить трупъ христианский, аки сънъи стоги. А Донъ рѣка кровию текла три дни, а рѣка Мечь вся запрудилася трупомъ татарскимъ“ (Унд. 578, стр. 48; сходно в 4-й редакции стр. 122).

Что касается речей великого князя, то Никонов. редакция Сказания содержит обе — и к дружине и к брату, с приглашением вернуться „ко славнѣйшему граду Москвѣ“. Во второй редакции вместо этих речей находится другая. В третьей редакции снова есть обе речи, как и в четвертой и ее переделке. В Тверской летописи, где, как указано, сохранилось заглавие Задонщины, было после него написано, но затем зачеркнуто киноварью, именно это окончание — две речи великого князя, в редакции, совпадающей с Задонщиной и с Сказанием 1, 3 и 4-й редакций. В „Поведаний и сказаний“, где читается только речь к дружине,

после нее есть переходная фраза: „Сие же оставим, на преднее возыидем“, указывающая на то, что писец выделял переписанную речь из остального текста Сказания, возводя ее к „писанию Софонии“.

Стилистическая связь этих заключительных речей великого князя с текстом Задонщины очевидна: „грозно бо и жалостно брате, в то время посмотриши“ — ср. выше, стр. 178, 215: „Грозно и жалостно бяше тогда видети“; „сужено мѣсто“ — ср. (стр. 164) „суженое мѣсто“; „положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Русскую и за вѣру крестьянскую“ — ср. стр. 14—15 в предисловии и стр. 136—137): „главы своя положити за землю за Русскую и за вѣру христианскую“. Однако есть и незнакомые другим частям Задонщины образы: „лежат трупи крестьянские аки сенныи стоги“, „благословите в сем вѣце и в будущем“, „богу нашему слава“ и др.¹

¹ Статья была набрана, когда появились в печати тезисы доклада проф. В. Ф. Ржиги „Слово Софония Рязанца о Куликовской битве“. — Московский Гос. университет им. Ломоносова. Доклады и сообщения Филологического факультета, вып. I, М., 1946 (Кафедра русской литературы), стр. 37—38.